

РУССКОЕ СЛОВО

Литературно-художественный сборник

Москва – Пенза
2017

УДК 82.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р89

*Издание сборника осуществлено в рамках реализации проекта
по Федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016–2020 годы
(соглашение с Министерством образования и науки РФ
№ 03.Z76.21.0066 от 3 октября 2017 г.)*

Русское слово : литературно-художественный сб. / отв. ред.
Р89 Д.Н. Жаткин. – Москва – Пенза : Изд-во Пензенского государственного технологического университета, 2017. – 134 с.

ISBN 978-5-98903-270-9

В литературно-художественном сборнике «Родное слово» представлены работы участников Международного конкурса художественного перевода для школьников стран СНГ «Родное слово», организованного Пензенским государственным технологическим университетом при поддержке Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы. В заочном этапе конкурса приняли участие 367 школьников из 11 стран: России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины; финал конкурса, в котором приняли участие победители заочного этапа, состоялся в г. Москве 15–17 декабря 2017 г. На страницах сборника наряду с произведениями молодых литераторов публикуются переводы признанных мастеров, членов жюри конкурса Т.В. Берфорд, О.А. Комкова, Е.Д. Фельдмана.

УДК 82.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-98903-270-9

© Коллектив авторов, 2017

ПОЧЕМУ МНЕ ИНТЕРЕСНА РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Размышления школьников стран СНГ

Александра Васильева

(Республика Беларусь, г. Осиповичи Могилевской обл.)

Хотелось бы в Рим. А ещё в Мадрид, Прагу, Будапешт – в города, знакомые мне пока только по книгам и фильмам.

В Лондоне я была. Там живут мои друзья. Они англичане, я белоруска. Я изучаю английский, они неплохо говорят по-русски. Сближает нас интерес к русской культуре, а точнее, к русской литературе. Но чем привлекают русские книги моих друзей, если английской литературе есть чем гордиться? Да и я, белоруска, почитающая Якуба Коласа и Янку Купалу, снимаю шляпу перед русской классикой. Моя любовь понятна: русский – это мой родной язык, и литература от сказок до классических книг мне близка и дорога.

Литература русская необыкновенно душевна и жизненна. Не положение в обществе, не количество денег волнует героев русской классики, а поиски места в жизни, добра и правды, идеалов свободы и справедливости. Герой русской литературы – это человек, для которого «совесть, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство». А вот прагматизм, так характерный для литературы английской, в русской отсутствует.

Хотелось бы в Берлин, Баден-Баден, а потом и в Париж.

Через эти города пролегал когда-то путь Ивана Тургенева в Европу. Не ошибусь, если скажу, что с Тургенева началось знакомство зарубежного читателя с русской литературой. Чем же заинтересовал русский автор немецкого и французского читателя? Да тем же, чем интересует сегодня и меня. Человеком... который никогда не будет жесток, для которого нравственность есть критерий поступка.

И как не вспомнить здесь Федора Достоевского и его рождественский рассказ «Мальчик у Христа на елке», мой любимый.

Хотелось бы во Флоренцию. Здесь писатель закончил роман «Идиот» и рассказал всему миру о странном князе Мышкине. Я еще не читала роман, но знакомство с ним уже состоялось на спектакле в Санкт-Петербургском Молодежном театре на Фонтанке.

Да, я была в Санкт-Петербурге и его пригородах. С каким волнением ходила по комнатам Музея-квартиры Пушкина, залам Царскосельского

лица, бродила по дорожкам парка, которому ещё памятни лёгкие и топливые шаги будущего великого поэта России. Особое чувство вызывали мостики, скульптуры, галереи, пробудившие когда-то музу Александра Сергеевича.

У нас дома большая библиотека. На полках книги авторов разных стран. Есть белорусские, есть книги на английском языке. Но в основном домашняя библиотека — это собрания сочинений русских поэтов и писателей. Ещё с малых лет меня притягивали пестрые обложки сказок Александра Пушкина.

— Что такое Россия? — спрашивает у меня сегодня младшая сестра.

— Россия — это Пушкин, — отвечаю я и беру с полки «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях». — Почитаем!

Несколько страниц перед сном с хорошим русским, прекрасным, как русские пейзажи, светлым, как русская душа, мелодичным, как русская песня.

Пушкин — москвич, а Щедрин из Твери,
Гоголь с Полтавской губернской земли,
Родина Чехова в Таганроге,
Многим знакомы невзгоды, остроги.
Кто-то горел, кто-то жил не спеша,
Общей для всех была только душа,
Та, что на деньги и пошлость не падка,
Та, что для Запада — просто загадка.

Свое стихотворение я назову «Русская душа». Говорят, русская душа — это загадка. А я люблю разгадывать. Это мне интересно.

Хочу в Россию.

Анна Войтик
(Республика Беларусь, г. Минск)

Пять—шесть книжных полок на протёртом линолеуме и родной запах пожелтевших переплётов, потрёпанных и ветхих оттого, что юные читатели очень часто их выбирали. Я очень люблю медленно проводить пальцами по книжному ряду в городской детской библиотеке, поминутно касаясь то новенького издания Л.Н. Толстого, то сборника полюбившихся рассказов А.П. Чехова, то знакомой с детства тоненькой книжки со сказками А.С. Пушкина.

Наверное, для каждого литература раскрывается по-своему. Кто-то видит в ней лишь спасение от рутины, а для кого-то это возможность пережить другую, совсем непонятную и чуждую ему до этого жизнь.

Для меня русская литература – это диалектика души. Я учусь открывать в себе новые горизонты чувств и мыслей, учусь сопереживать героям и воспитываю в себе способность понимать окружающий мир.

Однажды на уроке русской литературы мой учитель привела очень точную цитату Д.С. Лихачёва: «Литература – это совесть общества». И эти простые слова показались мне настолько глубокими, что сейчас я вспоминаю их каждый раз, открывая первую страницу новой книги.

С русской литературой меня впервые познакомила бабушка, когда прочитала рассказ И.С. Тургенева «Муму». Да, до этого были сказки, детские стихи, а вот за душу взяло, крепко, по-настоящему, тогда впервые. Это потом я узнала о роли литературы в нашей жизни, а тогда это были слёзы, боль, переживание. Быть может, именно поэтому сейчас я не люблю книг, полных радости и беззаботности. Литература для меня – это психология, душевный поиск, переживания.

Одной из последних книг, оказавшей на меня сильное влияние, стал роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Часто я советую эту книгу друзьям и уже много раз рассказывала о ней знакомым. Почему, спросите вы? Конечно, потому, что она учит размышлять, анализировать и в то же время тонко чувствовать.

Школьная программа предлагает нам для изучения золотую коллекцию русской классики. Именно на уроках русской литературы для меня впервые открылась сила поэтического слова, которое до этого для меня воплощалось в детских стихах, например, «Что такое хорошо и что такое плохо» В.В. Маяковского или «Федорино горе» К.И. Чуковского.

Читая сегодня А. Блока и О. Мандельштама, М. Цветаеву и А. Ахматову, я не пытаюсь сопоставлять их с тёплыми воспоминаниями детства, но те тёплые, первые впечатления всё ещё иногда шепчут в моём сердце бархатным детским голоском.

Совсем недавно я смотрела интервью с известным английским актёром, который сказал, что книга, которая вызвала у него самые сильные эмоции, – это роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». И тогда меня осенило: я ведь имею полное право гордиться тем, что читаю произведения русской литературы, вошедшие в мировое наследие, в оригинале.

Я счастлива, что мой любимый мультфильм снят по мотивам сказки С.Я. Маршак, а любимый фильм – по мотивам пьесы М.А. Булгакова. «Двенадцать месяцев» и «Иван Васильевич меняет профессию» – всё, что мне нужно для счастья. Я люблю русскую литературу, потому что она дарит мне возможность раскрыть тайны того, с чем идёшь по жизни бок о бок, но о чём так мало знаешь. Я счастлива оттого, что моё становление

как личности напрямую связано с русской литературой. Литература — это история в картинках и психология в жизни.

Что ж, вот я и остановилась возле полки с небольшой картонкой, на которой аккуратно выведена буква «Г». Взяв в руки алый томик, в который раз вдыхаю терпкий запах, на секунду закрыв глаза, и уверенно шагаю из лабиринта стеллажей.

«Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события...»

Быть может, вот она — свобода...

Дарья Демиденко
(Республика Беларусь, г. Минск)

Что есть литература? Это реальность, которую мы видим сквозь призму гениальности отдельного человека — писателя. Для меня ценность литературы именно в том, что, читая, мы можем чуть лучше узнать окружающий мир, человеческую душу. В первую очередь нам важно понимать людей, живущих рядом с нами. Вот почему славянам нужно вдумчиво читать русскую литературу.

Моё знакомство с этой бездонной сокровищницей таланта началось со сказок Александра Сергеевича Пушкина. Помню, в детстве бабушка читала мне их и, даже будучи ребёнком, почти ничего не зная о литературе, я восхищалась непревзойдённым мастерством поэта. Русская литература произвела на меня настолько сильное впечатление, что в более сознательном возрасте я не могла не вернуться к ней. Произведения из школьной программы, обычно столь нелюбимые учениками, я читала с усердием, всегда стараясь найти в них что-то полезное и интересное. И находила. Насколько бы ни был тяжеловесен слог Толстого, я старалась разглядеть за текстом множество судеб, характеров. Насколько бы ни пугала меня мрачность, переполнявшая произведения Достоевского, я понимала, что едва ли кто-то из классиков погружался в душу человека так же глубоко, как он. И всё это сплошь и рядом. Сюжеты этих произведений живут вне времени, и часто они особенно остро стоят для славян.

Но не стоит забывать и об истории. «Хорошие исторические романы стоят лучших курсов истории», — писал Оноре де Бальзак. Я согласна с великим французским писателем, однако мне кажется, что это высказывание уместно по отношению к любой литературе, написанной в другую эпоху. События, которые мы видим глазами живого человека и легко можем представить, не идут ни в какое сравнение с сухим текстом учебника.

Россия и Беларусь на протяжении многих веков шли рука об руку, и разделить нашу историю иногда не представляется возможным.

Русская литература предоставляет нам множество возможностей. Как русскоговорящие люди, мы не имеем права не использовать все возможности русского языка. Разве можно придумать более действенный способ обогащения своего словарного запаса, чем ознакомление с творчеством людей, приблизившихся во владении языком к совершенству? Вряд ли. В русской литературе каждый может найти то, что ему по вкусу, если он только приложит усилия и начнет искать. И я люблю русскую литературу именно за её многогранность и неповторимость.

Екатерина Жевняк
(Республика Беларусь, г. Речица Гомельской обл.)

«Наша литература – наша гордость», – писал М. Горький, и с ним нельзя не согласиться. Русская литература окрашивает действительность в различные тона, чтобы лучше показать ту или иную проблему, донести до читателя определённую мысль. Однако в сознании каждого человека окружающий мир отражается по-своему. Поэтому на одно и то же произведение люди смотрят под разным углом и по-разному понимают его. Человек задумывается над некоторыми вопросами, ищет на них свой ответ, и это помогает ему познать себя.

Почему я люблю именно русскую литературу, а не зарубежную? Основное внимание в русской литературе уделяется человеческой душе, её познанию и более глубокому пониманию, герои стремятся к духовному преображению, борются с разногласиями в своей душе. При этом понятие «хэппи энд», которое пришло к нам из-за рубежа, весьма не характерно для русской литературы, так как оно больше связано с неким благополучием, чем-то материальным. А в жизни не всегда всё так просто... И для русского человека главное все-таки духовное, мир в душе. Поэтому герои произведений русской литературы пытаются добиться гармонии в своём внутреннем мире.

Отличительная черта русской литературы – незаконченность мысли, когда в конце произведения остаётся много вопросов, которые дают возможность задуматься, почему герой поступил именно так или что же будет с героями дальше. Такой особенностью обладает именно русская литература (вспомним такие произведения, как «Дама с собачкой» А.П. Чехова, «На дне» М. Горького, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и многие другие).

Русская литература бывает противоречива и сложна для понимания, потому что основывается на твёрдом нравственном стержне и говорит о высоком и вечном. Так, например, не каждый зарубежный читатель поймёт, почему так одухотворяется образ Сонечки Мармеладовой («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского), которая по сути является падшей женщиной, которая живёт по «жёлтому билету». Тут все проблемы рассматриваются через призму душевных терзаний героев. Даже великий русский писатель М.А. Булгаков делает основной мыслью романа «Мастер и Маргарита» не элемент фантастического – существование магии, а раскрывает темы справедливости, высокой всепоглощающей любви, которую герои не утратили, обретя вечный покой. Очень интересны и противоречивы размышления о добре и зле: сатана наказывает только тех, кто этого заслужил. И как познать добро, если не будет зла? Согласитесь, есть над чем задуматься?

Одно из моих любимых произведений русской литературы – «А зори здесь тихие» Бориса Васильева. Отважный и мужественный отряд из пяти девушек как увядший цветок, лепестки которого увяли и превратились в пыль, но семена надежды и веры в победу разлетелись на много километров. Продолжая традиции Н.А. Некрасова, писатель восхищается невероятной стойкостью и выносливостью русских женщин, хрупкие плечи которых не сломались и перенесли все тяготы войны.

Мне интересна русская литература потому, что приглашает читателя разгадать тайны внутреннего мира человека, его чувств, а точнее – заставить самого себя сделать эти открытия. Наличие в русском языке всего лишь трёх времён вызвало тяготение к созданию статичных картин, относительно безразличных к действию, которые в сочетании с большим количеством знаков препинания заставляют читать медленно и вдумчиво.

Русская литература – это форма искусства, которая вобрала в себя всё: певучие стихотворения играют музыку на струнах нашей души; мастера слова рисуют своими «красками» живописнейшие пейзажи, читая описания которых, кажется, что ты гуляешь по мшистому подножию горы и слышишь над головой пение птиц. Литературный язык, конечно, со временем может устареть, но человеческая натура с её пороками и страстями останется неизменной.

Анастасия Кинякина
(Республика Казахстан, г. Алматы)

Сегодня далеко не каждый человек может похвастаться большим количеством прочитанных книг, хорошей домашней библиотекой. В нашем современном мире начитанность давно перестала быть показателем

образованности, и намного больше ценится понимание нынешнего сленга или количество просмотренных сериалов. Для меня же намного интереснее воспроизвести картину, описанную на страницах, у себя в голове и дополнить ее своим воображением. Ведь просматривая фильмы, мы видим только одну из версий представления того, что когда-то было задумано автором, того, что мы сами могли бы себе представить, воссоздать для себя.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что нам могут передать труды, оставленные в наследие русской литературой? Ведь с течением времени эти произведения менялись, как менялся и сам русский язык. Природа и характер произведения зависят не только от образа, состояния и нравов писателя, но и от эпохи, в которой он жил. На протяжении столетий одни слова заменялись другими, выходили из употребления, появлялись неологизмы и новые выражения – таким образом формировался великий русский язык. Наглядным примером произведений, изменивших ход развития русской литературы, является «собрание пестрых глав» А.С. Пушкина – роман «Евгений Онегин». Наблюдать за изменением русского – родного для меня языка, изучать различные тенденции его развития – именно это я и считаю для себя самым интересным. Но изучение русской литературы для меня не заканчивается на прочтении произведений. Вместе с этим я узнаю для себя что-то новое из психологии, философии, истории: факты о Пугачевском бунте из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, философию русской души в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», реализм романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Но, несмотря на интерес к фундаментальным произведениям русской литературы, отдушиной для меня стала поэзия. Искусство выстраивать простые слова в удивительные созвучия ещё с самого детства привлекало меня. Умение из ничего делать что-то, когда обычные предложения выстраиваются в изящные рифмы и становятся шедеврами, побуждало меня попробовать себя в этом. Именно этим русская литература и заинтересовала меня больше всего.

Николь Ленгардт
(Республика Казахстан, г. Алматы)

Литература – это совесть общества, его душа.
Д.С. Лихачев

Меня вдохновляет русская литература. Она настолько разнообразна, насколько красива. Она, будто солнце, что освещает наши сердца и открывает глаза на то, чего мы раньше не замечали. Я считаю, что книги –

это искусство, без которого человечество просто не может существовать. Они обогащают нашу жизнь, многому учат людей. Порой мне кажется, что наш мир ужасно зауряден и, читая очередное произведение, я попадаю в новый, лучший мир, где приключения встречаются на каждом шагу. Книга — это собственный мир писателя, где он создает свою справедливость, свои законы, нравы — это идеальный мир. Этим меня и привлекает литература — своими нескончаемыми мирами. Всей жизни не хватит, чтобы обойти их все.

Русские прозаики и поэты были очень эмоциональными. Страхи и волнения, любовь и страсть, гнев и печаль — все свои чувства они разделяли с бумагой, создавая свои шедевры. Когда читаешь их, тебя переполняют невообразимые ощущения, которых в жизни ты никогда не испытывал. В книге будто живет душа творца, и, листая страницы, она объединяется с твоей.

Русская литература интересна мне потому, что она очень разнообразна. В классике я никогда не встречала произведений, похожих друг на друга. Совсем не так, как сейчас. Русские писатели всегда рассуждали на высокие, серьезные темы. Они могли писать об одном и том же, но их взгляды на данную тему были абсолютно разные.

Они очень часто писали о личности человека и его жизни. Они рассматривали человеческие поступки, их причины. Конечно же, каждый из писателей искал ответ на вопрос: в чем заключается смысл жизни человека? Думая над этим, я вспоминаю слова Льва Николаевича Толстого: «Есть только одно важное для всех дело в жизни — улучшать свою душу. Только в этом одном деле человеку не бывает помехи и только от этого дела человеку всегда бывает радостно».

Классика учит тому, что человеческая душа — самое неизведанное, но самое прекрасное, что есть на земле. Она призывает, нет, вдохновляет людей развиваться, становиться лучше. Поэтому я так люблю русскую литературу. Она меня изменила. Она научила меня прощать, помогать тем, кто нуждается, принимать человека таким, какой он есть. Она просто заставила меня полюбить книги и любить писать их самой.

Русская литература дала людям невероятно много. Книги — это жизненный опыт писателя, записанный на бумагу. Я уверена, что многие рассказы и сочинения дали ответы на наши вопросы. Они будут жить в памяти людей не одну сотню лет. Ведь как бы быстро человечество не двигалось вперед, жизнь остается той же, потому и Достоевский, и Пастернак, и Толстой, и Булгаков — они все будут рядом, когда нам понадобится совет.

Я люблю русскую литературу. Она удивительна. В ней столько светлого и теплого, но одновременно столько мрака и печали. Я хочу, чтобы

люди никогда не переставали читать русскую классику. Да, именно она может раскрыть для человека все тайны и заставить задуматься о том, о чем он раньше не подозревал. Мы должны ценить книги, ведь без них жизнь была бы скучной и тоскливой.

«Из всех проявлений человеческого творчества самое удивительное и достойное внимания — это книги. В книгах живут думы прошедших времен; внятно и отчетливо раздаются голоса людей, прах которых давно разлетелся, как сон. Все, что человечество совершило, передумало, все, чего оно достигло, — все это сохранилось, как бы волшебством, на страницах книг» (Т. Карлейль).

Илья Малиновский
(Республика Беларусь, г. Могилев)

Русская литература для меня — это причал моих чувств. Читая книги, я ощущаю себя живым и независимым. Меня вдохновляет и завораживает искусство слова. В книгах можно найти всё, что определяет тебя как личность, особенно это правило относится к художественной литературе. О чём бы ни была книга: о суровой действительности, прекрасных фантазиях, об ужасах войны или ценности мирной жизни — каждый читатель сможет найти что-то значимое для себя.

Я восхищаюсь творчеством русских поэтов. Лирика Александра Блока повлияла на моё представление о жизни. Стихотворение «Поэты», раскрывающее суть поэзии, её истинное предназначение, изменило и мои взгляды на окружающий мир. Я стал более критичным по отношению к окружающим, прежде всего к самому себе, мне сделались небезразличными происходящие вокруг события. Мне как начинающему автору ироничные рассуждения о предназначении поэта, о «поцелуе вьюги» показались пугающе искренними, судьбоносными. Это стихотворение заставило задуматься о высокой цене поэтического дара.

Футуристы, в свою очередь, дали мне возможность пересматривать взгляды на прошлое, изучать историю, соглашаться с общепринятыми взглядами или безрассудно опровергать их.

Когда корабль моих эмоций прибывает к причалу Поэзии, то я понимаю, что в этом мире моя душа не одинока. Осознание этого даёт силы жить, мечтать, творить самому.

Чем длиннее мой жизненный путь,
Тем чаще я замечаю,
Что спину мне не подставит друг.
От этого сердцу печально.

В этом городе я одинок,
Без обязательств и связей.
И кроме до дыр зачитанных строк
Больше я ни к чему не привязан.

Я не могу похвастаться гениальностью, наличием многочисленных друзей, уже пришедшей ко мне Вечной Любовью. Но все это я нашел в книгах, что заставило меня меняться в лучшую сторону.

Чем больше я читаю, тем больше возрастает жажда творить, стремление совершенствоваться и менять свой внутренний мир. Разочаровавшись в себе, я вспоминаю слова Михаила Булгакова: «Рукописи не горят». Эта мысль заставляет писать собственные стихи и двигаться дальше, навстречу будущим свершениям.

Поэт — это редкий талант,
Он не откроется сразу вам.
Докажи, что ты в этом гигант!
Писать просто так — графомания.
Поэту нередко бывает плохо:
Каждый день для него, как бой.
Он не переносит стонов эпохи
И спорит всегда сам с собой.
Написать четверостишие каждый сможет.
А ты попробуй писать стихи!
Годами терпеть унижения сложно
От представителей «умственной нищеты»...
Оттачивай, словно меч, своё уменье,
Не давай забродить таланта вину.
Будь преданным делу, храни терпенье —
Даже если начертано быть одному.

Сергей Мисюрин
(Республика Казахстан, г. Караганда)

Мне интересна русская литература, потому что она позволяет мне думать о себе, говорить о себе, писать о себе.

Многим в моём возрасте интересна зарубежная, чаще всего современная литература, которая проста, понятна и о которой можно поговорить с каждым вторым. А о чем? Мне часто кажется, что сейчас литература, как и всё остальное, делается, чтобы заработать деньги, получить статус «бестселлера», может, на неделю, может, на месяц, чтобы обеспечить уровень продаж. Такая литература — для большинства,

а большинство далеко не умно. Я не считаю, что читать подобную литературу плохо: конечно, лучше что-то читать, чем вообще забыть о чтении. Многие подростки читают это, чтобы либо «проветрить» голову, либо не отставать от «трендов». А большая часть моих сверстников вообще не читают.

О какой классике, русской литературе может идти речь? Большой поток информации отовсюду: телевидение, СМИ, радио, Интернет, в том числе и социальные сети. Поэтому люди в наше время, несмотря на современные гаджеты в кармане, благодаря которым легко и быстро можно решить множество проблем, всё равно остаются подавленными, медлительными и уставшими, постепенно превращаясь в зомби. Существует статистика, согласно которой каждый человек, который сидит в социальных сетях, за день читает 60 страниц – но не книги. Тогда к чему весь этот стремительный прогресс? Это всё взорвет человечество. Так и хочется крикнуть, чтобы люди остановились, посмотрели, что вдали, а затем обернулись назад и подумали, зачем они идут по такой узкой дороге и куда она их со временем приведет.

Вы спросите, а причём здесь литература? Да при том, что мир сможет жить в гармонии, когда люди научатся находить себя в этой жизни, когда люди будут заниматься тем, что они любят, когда человек вновь вспомнит, что он – человек. Я считаю, что литература, особенно русская, с её героями, которых мы воспринимаем как реальных людей, живших и мысливших в реальном мире, с её умением ставить перед читателем вечные вопросы, расширяет наше пространство. По крайней мере, меня русская литература поднимает над повседневностью.

Я такой же обычный подросток, как и все. Иногда не успеваю читать, иногда ленюсь, «ибо слаб человек», да и груз учебы давит непомерно. Многие учителя замечают, что я сижу на уроках витая в облаках, нахожусь в прострации, мечтаю о чем-то своём и погружаюсь в себя, выпадаю из процесса обучения и нахожусь где-то не на уроке, а в другой реальности. На самом деле я всегда на уроке, просто всё так однообразно, все учат одно и то же, пытаются выделиться одним и тем же, все одинаковые. Особенно это ужасно, когда отличники по математике пытаются «одолеть» друг друга в решении какой-нибудь задачи. Я в такие моменты сижу и думаю: а те ли задачи мы решаем? В чем смысл?

Уже два года просто чувствую, что находясь на многих уроках, я будто лампочка при свете дня – бесполезней нет ничего, внутри меня мой огонь гаснет, меня все давливает, стирает все краски. А когда наступает урок русской литературы, тот самый предмет, на котором я могу быть собой, всё меняется.

Русская литература мне помогает познавать себя больше, чем урок «самопознания», потому что, находясь на этом уроке, говоришь и чувствуешь, что ты не машина, не робот, что ты немного особенный. Ради таких чувств и хочется жить, а не ради постоянных формул, общепринятых правил и мнений. Русская литература мне интересна тем, что она заставляет меня думать о своём, даёт дорогу для движения собственных мыслей. Мне всегда интересно, когда судьба героев произведений трагична, когда мысли особенны, когда начинаешь проводить параллели, копаться, искать, с чем ты согласен, что в мыслях героя ты разделяешь, а что нет. Мозг расцветает, если урок прошёл замечательно, возникает такое чувство, что ты только что сходил на стадионный концерт, а иногда — будто сам его только провёл...

Кристина Муравьева
(ДНР, г. Горловка)

Русская литература — это богатый источник мудрости и красоты, открывающий удивительный мир, знакомящий с произведениями величайших писателей и наполняющий разум читателя знаниями и гордостью за неподражаемую русскую речь. Началом зарождения отечественной литературы считается вторая половина пятого века, и до сих пор она развивается, наполняется новыми жанрами, направлениями и, конечно же, произведениями мастеров слова.

Для меня русская литература — это, прежде всего, неотъемлемая часть истории и культуры всего народа. Изучая ее, я как будто переносюсь в другое время и чувствую все то же, что и герои произведений. Передо мной проносятся образы писателей, вся эпоха, в которую они творили, словно я могу видеть все, что происходило с миром в то время, прямо перед собой. Ощущая себя на месте персонажей, мне кажется, я становлюсь частицей истории.

Русская литература включает в себя несколько периодов, и все они по-своему интересны читателю. Например, произведения времени Древней Руси часто не совсем понятны и просты, однако после их прочтения можно почувствовать гордость за народ и его непрерывное развитие. Знакомясь с ними, становится очевидным, что многие традиции литературы сформировались именно в древности, а поэтому древнерусское творчество никогда не потеряет свою ценность.

Развиваясь, литература приобретала все больше новых черт, индивидуальных у каждого автора. Наступление новых эпох знаменовало собой появление новых жанров, стилей, художественных средств, направлений

в литературе. Это делало ее еще более разнообразной, полной чувств и переживаний, ценной для культуры всего народа. Именно поэтому, изучая русскую литературу, мы можем буквально окунуться в историю России и пережить любые захватывающие или даже трагические события.

Говоря об этом, стоит заметить, что целью изучения художественных произведений также является воспитание в читателе нравственных качеств. Не секрет, что в творчестве любого автора поднимаются вечные темы добра и зла, любви, дружбы и предательства, раскрываются социальные проблемы, осуждается нравственное разложение и прославляется следование неписаным законам морали. Литература учит нас анализировать действия людей и делать для себя выводы. Читая произведения писателей разных периодов, мы знакомимся с проблемами, существовавшими в обществе в то время, и сопереживаем изображаемым персонажам или, может быть, видим их изъяны и стараемся избегать развития таких же качеств в нас самих. На мой взгляд, читающий человек — это тот, кто хранит сокровище из тысяч удивительных миров внутри. Изучая литературу, он воспитывает самого себя и создает такого человека, который будет не только просто интересным собеседником, но и полезным членом общества.

Стоит также добавить, что я воспринимаю русскую литературу как бесконечный источник для развития своей речи и воображения. Она дает мне не просто набор фактов, а основу для создания культуры мышления. Художественные произведения, написанные великим русским языком, являются самым лучшим учителем, помогают формировать речь и обогащаться духовно. Когда я читаю работы русских писателей, я понимаю, что это учит меня не только сопереживать героям, но и правильно выстраивать собственные мысли, высказывания, обосновывать и развивать их. Уроки литературы помогают узнать истории создания произведений, условия, при которых они были написаны. Изучение художественных средств и особенностей каждого автора развивает во мне творческое мышление и часто подталкивает к тому, чтобы и самой начать создавать работы, в форме рассказов или эссе говорить о своих чувствах и переживаниях. Может быть, когда-нибудь и я под влиянием столь вдохновляющей русской литературы смогу написать свою собственную книгу.

Оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что творчество отечественных писателей оставило глубокий след в моей душе. Литература на каждом этапе своего развития по-своему интересна и познавательна для меня, и я рада, что до сих пор авторы продолжают создавать все больше новых художественных произведений, которые

могут подарить читателям целый кладезь знаний и открыть перед ними фантастический мир искусства слова. Русская литература обладает притягательными, манящими чертами и красотой, и именно поэтому она мне особо интересна.

Айдана Осконбаева
(Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Любая литература, будь то проза или поэзия, содержит в себе идеи, необъятные сокровища мыслей людей по натуре великих, авторов своих миров. Она придает нам смысл и ритм жизни, задает толику той грусти или радости, что могут поменять нам настроение в этот момент. Возможно, это всего лишь набор слов и букв, но этот самый набор может поменять взгляд на жизнь, изменить ориентацию судьбы. И это все притягивает меня в литературе.

Главное преимущество русской литературы перед зарубежной в том, что произведениями, носящими образы русского духа, можно наслаждаться в оригинале, в том слоге и смысле, что хотел передать автор. Русская литература хранит в себе глубокий след русского человека, русской истории. Я не раз, читая новый роман, погружалась в строки, пропитанные русской жизнью, строки, показывающие всю любовь к природе, народу и жизни человеческой. Литература, написанная самым ярким, красочным и богатым языком сего мира, может действительно передать всю чувственность и разнооттеночность слов, погрузить читателя самым верным путем в свой мир.

Когда я познакомилась с таким произведением как «Евгений Онегин», я сразу же влюбилась в природу деревенского края, мне захотелось ощутить на своих плечах холод русской зимы, увидеть благородные берега Невы. И как не жаль было мне Татьяны, невероятная боль пронзила мое сердце за судьбу Онегина! Красивый, образованный, с необыкновенной силой воли! И так бесцельно прожил жизнь!

Потом Печорин... «Героя нашего времени» я перечитывала несколько раз. Григорий Александрович и восхищал меня и в то же время раздражал своей бесчеловечностью, но многие его слова и мысли повлияли на нас... Вот он – талант прозаика или поэта! Заставлять нас верить и мечтать!

Казалось бы, что это просто воображение автора, художественный мир, который так далек от современного читателя. А все же он увлекает, влияет на нас, заставляет подмечать неизменные черты в истории и личности. И ты удивленно осознаешь, что человек не меняется, мир не меняется, общество не меняется, меняются лишь декорации.

Знакомство с поэзией у меня связано с именем Ивана Бунина, его «Листопад» каждую осень навевает у меня воспоминания о детстве, о прогулках в ореховой роще, где мама читала нам с братиком строчки этого стихотворения и, шагая по жухлым ореховым листьям, махала букетом, состоящим из веток акаций и желтых кленовых листьев. Сейчас в школе я открываю для себя все новые и новые имена. И все они связаны с русским словом и русской тоской, русской простотой и русской сердечностью.

Литература, показывающая всю любовь к своей земле, имеющая патриотические начала, несомненно не может оставить равнодушным. Такие чувства, заложенные в строках произведения, греют душу, призывают читателя любить мать-природу. Образы, появившиеся из-под пера русских классиков, поражают своей продуманностью, точно прописанной ролью. Герои русской литературы протестуют, требуют не мириться с тем, что не нравится народу в самом себе.

Что я ценю еще в русской литературе, так это ее плавность и размеренность слога, глубокомыслие, подпитанное старым миром. Такая литература многогранна, интересна. Сложно закрыть недочитанную книгу, когда она полна жизни, когда в ней живет целый мир. Вот именно этим мне интересна русская литература.

Илья Пильский
(Республика Казахстан, г. Алматы)

*Общество находит в литературе свою
действительную жизнь, возведенную в идеал,
приведенную в сознание.*

В.Г. Белинский

Частенько бывает, что перелистывая шелестящие страницы книги, невзначай восклицаешь: «Какая вещь! Какой автор!» А затем вновь с головой окунаешься в виртуальный мир повествования. Я очень люблю читать. Сердце радуется, когда неспешным шагом проходишь вдоль длинного книжного стеллажа и осознаешь, сколько же тут еще непрочитанного. Фантастика сменяется приключениями, приключения — детективами, проза поэзией и наоборот. Здесь собраны произведения со всех стран мира, но, пожалуй, большую часть все же составляют книги русскоязычных авторов.

Так чем же все-таки интересна русская литература? Думаю, что причин этому огромное множество. Во-первых, сам по себе русский язык —

весьма уникальное лингвистическое явление. Сложный к пониманию для иностранцев, он является одним из самых богатых мировых языков. «Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжелое громахание грозы, детский шепот и шорох морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей, для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения», — писал К.Г. Паустовский. Многоцветие словесной гаммы оказывает свое влияние и на литературу. Не существовали бы столь яркие и сочные сравнения Н.В. Гоголя и столь красочные метафоры А.С. Пушкина, не будь в нашем языке такого многообразия лексики.

Во-вторых, я считаю, что сами по себе русские люди более подвержены влиянию именно литературного творчества. И, наконец, самое главное — это то, что я считаю русскую литературу зеркалом русской жизни, зеркалом нашей души, нашего мышления. Не плохого и не хорошего относительно других, а попросту иного. Русская литература отражает все тонкости нашего существования на протяжении многих веков, и не было и не будет темного пятна истории, которого не осветил бы бесстрашный русский литератор. Нам она близка и понятна, вместе в ней мы переживаем лучшие моменты своей жизни, она помогает перенести горечь утрат и боль потерь. В ней все наши страдания и радости, ирония и лукавство, мудрость и снисхождение, вражда и дружба.

В ней вся наша русская душа! Загадочная, широкая, буйная, непредсказуемая, щедрая! А также души братских народов, живших на протяжении долгого времени с нами плечом к плечу. Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Абай Кунанбаев, Олжас Сулейменов, Тарас Шевченко, Нодар Думбадзе и многие другие авторы, писавшие на русском языке, обогатили нашу словесность и стали ее классикой. Их образы, мысли, самобытность добавили больших красок в яркую картину русской литературы — великой, вечной, бескрайней!

Вероника Самойлова
(Республика Беларусь, г. Жлобин Гомельской обл.)

Литература — огромный и таинственный мир. Как жаль, что понимаем мы это не сразу.

Когда я была совсем маленькая и еще даже не доставала до дверной ручки, книги, стоявшие на полке в прихожей, казались мне чем-то величественным и странным. Их черные, серые обложки никогда не привлекали меня, и я даже боялась подходить к книжной полке: только

взрослые могли общаться с такими мудрыми созданиями. И общались: я часто наблюдала, как мама, сидя в кресле, уносилась в таинственный мир художественной литературы. В такие моменты мне хотелось усесться на мамины колени и улететь вместе с ней.

И вот моя мечта сбылась: я пошла в первый класс и начала приобщаться к литературе. Годы шли – и мое увлечение разбилось о камни учебных будней. Я стала понимать, что для современного школьника отметка дороже глубокого знания текста. С тех пор на моем рабочем столе поселились книги с кратким содержанием, сборники сочинений.

И текла бы моя жизнь так размеренно и плавно, если бы однажды не вспыхнул спор между мной и родителями. Причина банальная: не сошлись во взглядах на современную молодежь. Обидевшись на своих родителей, я закрылась в комнате и, уткнувшись в экран телефона, настойчиво искала ответ на вопрос: «Как решить проблему отцов и детей?» Решение нашлось быстро: передо мной предстал список сайтов, рекомендующих к прочтению неизвестный мне роман И.С. Тургенева. «Отцы и дети»... «Звучит многообещающе», – подумала я и начала читать.

Как много ответов получила я, познакомившись с текстом этого художественного произведения. Оказалось, что проблема отцов и детей вечная и характерна она для всех поколений. К сожалению, зачастую нам требуется много времени, чтобы осознать, что в жизни есть более важные вещи, чем наши минутные эмоции, принципы. Ведь для человека на первом месте должны стоять духовные ценности: семья, уважение к родителям, любовь, дружба...

Теперь я поняла, насколько глубока и чувственна русская литература. Именно она заставляет нас задуматься об отношении к себе и окружающему миру. Именно она не просто рассказывает о событиях, но и оголяет души, чувства, мысли героев.

Я благодарна случаю, показавшему мне всю глубину художественного слова, способного достучаться до каждого человеческого сердца. Этот эпизод стал поворотным в моей жизни, и я перестала гоняться за «пустыми» высокими отметками, отдав предпочтение глубокому осознанию литературного произведения. Отныне книги, стоящие на полке в прихожей, не пугают меня серостью своих обложек. Теперь эти таинственные гости – мои верные друзья, к которым можно обратиться за советом в любой жизненной ситуации.

Именно поэтому мне и интересна русская литература, такая нежная, страстная, безмерная, богатая, живая, глубокая и родная.

Виталий Спаских
(Украина, г. Сумы)

Разнообразие мировой литературы поражает воображение. Многие народы стремились пронести свою культуру сквозь столетия, поэтому сейчас мы имеем доступ к поэтическим и прозаическим произведениям, которые были созданы в разное время и в разных частях света. Среди литературных шедевров значительное место занимают и лучшие произведения русских авторов, талантом которых восхищается мир.

Не имея возможности изучать русский язык в школе, я с раннего детства учил его самостоятельно, и теперь он стал мне родным. Это прекрасно – ощущать свою принадлежность к народу, который подарил нам Александра Пушкина, Фёдора Достоевского, Льва Толстого, Михаила Лермонтова. Свой вклад в сокровищницу русской литературы внесли и мои земляки: Николай Гоголь, Михаил Булгаков, Анна Ахматова.

Мастерство изложения, завораживающая сюжетная линия присущи многим произведениям мировой классики, иначе она не могла бы считаться таковой. Творения Чарльза Диккенса, Эрнеста Хемингуэя, Вальтера Джексона Лондона по достоинству оценены во всём мире, их читают поколениями уже десятки и сотни лет.

В чём же особенность русской литературы, в чём отличие от множества других шедевров? Почему она не оставляет равнодушным ни одного человека, прикоснувшегося к её страницам?

Ещё в раннем детстве я читал сказки Пушкина «О царе Салтане», «О попе и его работнике Балде», «О золотом петушке». Поучительные произведения для детей мастера русского слова научили меня, что добро всегда побеждает зло, что честность – важнейшее качество человека, и что никакое богатство не заменит человеку искренних отношений. Взрослея, углубившись в изучение творений прозаиков и поэтов России, я понял, что каждый может найти в них что-то близкое, от сходства персонажей с реальными людьми, которых ты встречал в жизни, до описания их глубоких переживаний, которые ты сам испытывал. Это невероятно, но проблемы, которые поднимали русские мастера слова сотни лет назад, до сих пор остаются актуальными и находят отклик в душах миллионов людей не только в России, но и по всему миру. Для меня русская литература – образец высокой духовной культуры, символ мудрости народа.

В нашей стране происходит активное насаждение чуждой западной массовой культуры. Печально, что лишь немногие пытаются препятствовать этому негативному процессу, ведь в последние годы значительно обеднел внутренний мир наших соотечественников. Компьютерные

игры, новые коллекции модных брендов, концерты множества неотличимых друг от друга популярных исполнителей — максимум, что можно обсудить со сверстниками, да ещё и на режущем слух исковерканном языке. Мы стремительно теряем своё лицо как нация с высокими моральными ценностями, и это настоящая катастрофа! Популяризация классической русской литературы среди молодёжи — эффективный способ предотвратить этот процесс. Но, к сожалению, ситуация складывается обратным образом: лучшие произведения русских писателей и поэтов постепенно исчезают из школьной программы, на полках книжных магазинов их тоже становится всё меньше. Более того, работа средств массовой информации и даже учебных заведений направлена на максимально возможное противопоставление русских и украинцев. Цель этого вполне ясна — навсегда развединить братские народы, заставить их забыть общую историю и культуру и больше никогда не допустить совместных побед!

Возможно, подсознательное неприятие этого процесса также является движущей силой моего интереса к русской литературе.

«Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего», — сказал Максим Горький. Я не могу не согласиться с этим изречением великого писателя, но как узнать прошлое, когда все события давно перевернуты с ног на голову? Тут и приходит на помощь русская литература! Она невероятно богата описаниями исторических событий и целых эпох. Благодаря профессионализму, таланту авторов мы получаем кладёзь ценнейшей информации о жизни наших предков. Стоит только вспомнить роман Михаила Лермонтова «Герой нашего времени», где ведётся повествование о службе русских офицеров на Кавказе, или же повесть Николая Гоголя «Тарас Бульба», равных которой по описанию традиций и быта казачества, наверное, нет.

Подводя итог, можно сказать, что классическая русская литература в современном мире является необходимым молодому поколению источником духовности и высокой морали. Я верю, что любовь к ней останется со мною навсегда и поможет найти правильные ориентиры в жизни.

Лада Стремлина
(Республика Казахстан, г. Алматы)

Как много выпало невзгод
На долю русского народа,
История о них поет:
От войн кровавых до походов.
Лишь факты голые, года

Запишут в летопись веков.
Но что с душой, когда беда?
На что любой пойти готов?
Как много счастья притаилось
В судьбе людей непобедимых,
Как много чувств от глаз укрылось,
Жаждой познания томимых.
Нам не история расскажет
О самом главном, о душе,
Веру безмерную покажет
Без точных данных и клише.
Трагедии, романы в письмах
О нашей, о земной любви.
Каждый найдет, что ему близко
И что у всякого в крови.
Ведь все мы — «маленькие люди»,
С *отцами* неизменно спорим
И гибнем в помыслах о чуде,
Помня, что счастье с правдой в ссоре.
Поэзия и проза о системе,
В которой каждому — молчать.
Причины массовых волнений
Проникли не в одну тетрадь.
О том, как женщины боролись
За свое право в счастье жить,
И как на совесть напоролись
Те, кто искал права убить.
Как от тщеславия страдали
На протяжении долгих лет,
Любви навеки знаком стали
Гроза, гранатовый браслет.
Как губят девушек случайно,
Не думая, и жгут мосты,
И припадают к трупам *чайки*,
Изнемогая от тоски.
За что люблю литературу?
Как её можно не любить?
Смотрю на разные фигуры —
И сразу интересней жить.
Да эхом прозвучит в тиши:
«Она ведь — зеркало души».

Дмитрий Тельпиз
(Республика Молдова, г. Кишинев)

Для меня русская литература интересна, во-первых, тем, что она является свидетельством времени, памятником той эпохи, когда было написано то или иное произведение. Историю России как предмет мы в школе не изучаем, а «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха», «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, главы из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, поэма «Василий Теркин» А.Т. Твардовского и другие произведения русской литературы могут рассказать нам о великом прошлом лучше, чем наши современные учебники всеобщей истории.

Удивительно и очень интересно также то, что многие произведения русских классиков, написанные в далеком прошлом, оказываются актуальными и в наше время. «Не хочу учиться, а хочу жениться» — кто не слышал эту фразу из комедии далёкого XVIII века! Недоросли Митрофанушки встречаются и в нашем веке компьютерных технологий. Никуда, к сожалению, не делись с течением времени хвастливые и трусливые хлестаковы и городничие — взяточники и казнокрады. Читаешь — и смех сквозь слёзы, потому что узнаешь современных «героев» и наболевшие проблемы нашего общества.

С другой стороны, русская литература всегда обращается и к уму, и к сердцу читателя, учит и воспитывает. Так, прочитав рассказ В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет», я стал внимательно изучать семейный архив, узнал непростую историю своей семьи и по-настоящему почувствовал себя частью этой истории. Впервые я задумался о том, что такое мой сыновий долг перед родителями, после знакомства с героями рассказа К.Г. Паустовского «Телеграмма»: «...за добро плати добром, не будь пустельгой». Роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка» учит нас беречь честь смолоду, а повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» — человеческому достоинству. Хочется верить, что чуткий и внимательный читатель такой литературы обязательно научится понимать и себя, и других.

Я уверен, что мой интерес к русской литературе со временем не угаснет, а будет расти. Один из современных авторов как-то сказал, что люди, читая в детстве русскую классику, создают себе «аптечку», к которой обращаются затем в течение всей жизни, и, я думаю, он прав, потому что в этих произведениях живет любовь к человеку и содержится неисчерпаемый запас благородных мыслей.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод Татьяны Берфорд

Туллия д'Арагона (ок. 1510–1556)

Могла ли не самая красивая женщина, получившая статус куртизанки по наследству от матери, сделаться, несмотря на сомнительное отношение к себе в обществе, предметом глубокого почитания значительного числа образованнейших мужчин своего времени, адресатом их творений? Такова Туллия д'Арагона, которая не только не теряется в блистательной плеяде итальянских поэтесс XVI в., но является одной из её наиболее ярких звёзд. Сonetы Туллии, практически неизвестные отечественному читателю, отличаются замечательным поэтическим вкусом, острым умом и виртуозной техникой, которая намного превосходит мастерство её современниц — благородных матрон вроде Виттории Колонны или Вероники Гамбары.

СОNET XXIII

Обращён к Уголино Мартелли¹

Учёный стих, вместилище украс,
Волнует вновь арнейские долины,
Гармонией сливаясь воедино
С талантом вашим, явленным не раз.

А я, мой дорогой Мартель, сейчас
Изведав утеснения судьбины,
Миную косогоры и ложбины,
Бреду одна, не осушая глаз.

И скорбью от моих стенаний лес
Подёрнулся, и птицы замолчали,
И петь не будут до скончанья дней...

¹ Флорентийский гуманист и филолог (1519–1592).

Зане без вас я пропадаю здесь,
О, утишите разом все печали:
Пришлите мне письмо – и подлинней!

СОНЕТ XXV

Обращён к Уголино Мартелли

Не раз, синьор, давала я зарок
Воспеть своей волынкою простою
Не стихоплётство чьё-нибудь пустое –
Твоей отваги дерзостный чертог.

Увы, попытки жалкие не впрок!
И понимаю с прежнею тоскою,
Что груб волынки голос, что не стою
Небес благих, что жребий мой жесток.

Пусть про тебя, подале от невзгод,
Поэты-пастухи в изящном слове
Поведают и Музам, и судьбе,

Или же Мопс², вернувшись, пропоёт
Не про свои нескромные любви,
Но ловко сложит оду о тебе.

СОНЕТ XLV

Обращён к Пьеро Манелли³

Где золото волос, из коих мне,
увы, Амор-охотник сладил сети?
Где очи бесподобные – ответьте! –
в чьей утопать я рада светизне?

Где этот лик прекраснейший, зане
рождает вдохновенье он? Где эти

² Прозвище поэта Джироламо Муцио (1496–1576), восходящее к имени античного прорицателя (Μόψος), сына Манто. Муцио был автором «Любовных эклог» (1550), обращённых к Туллии.

³ Флорентийский придворный, последняя большая любовь поэтессы.

касания руки — нежней на свете
их нет, но обжигаящи вдвойне?

Где звуки ангелических словес,
на жизнь и смерть мне данных? Где манеры,
достойные изысканных наград?

И где отрадный час, когда с небес,
нежданным счастьем одарив без меры,
прольётся благодатный звездопад?

Джованни Пасколи (1855—1912)

В итальянской поэтической иерархии Дж. Пасколи занимает место, по авторитетности сравнимое с тем, какое отведено у нас его ровеснику Иннокентию Анненскому, а по популярности — с тем, какое принадлежит Сергею Есенину. Произведения Пасколи входят в школьную программу, изучаются в университетах, а родной город поэта переименован в его честь из Сан-Мауро-ди-Романья в Сан-Мауро-Пасколи.

Пасколи прожил жизнь, небогатую внешними событиями. Среди них следует упомянуть трагическую гибель отца, когда Джованни было всего 11 лет, а также краткий период политической активности Пасколи-студента в рядах анархо-социалистов, завершившийся для него тремя с половиной месяцами тюрьмы. Впоследствии Пасколи отошёл от политики, целиком посвятив себя поэзии, преподавательской и научной деятельности.

Не стремясь быть больше, чем поэт, Пасколи в своём трактате «Дитя» настаивал: «Поэт — это поэт. Не оратор и не проповедник, не философ и не историк, не наставник, не трибун, не демагог, не государственный деятель и не придворный. Он не ремесленник, кующий мечи, щиты или орала, как полагает профессор Джозуэ Кардуччи, и не мастер-ювелир, чеканящий золото, как думают многие другие. Поэта в гораздо большей степени делают поэтом его чувства и его мировосприятие, чем способ, каким он передаёт их читателям». Поэзия Пасколи — поэзия чувств тонких и в то же время общезначимых, мировосприятия сложного и одновременно близкого каждому.

Два поэтических цикла, представленных в этой подборке, впервые переведены на русский язык целиком.

ВОСТОРГИ ПОЭТА⁴

I ЧАРОДЕЙ⁵

«Зардейтесь, розы! Возликуйте, птицы!»

Изрек — и зеленеют сухостои,
и слился птичий щебет в звучном хоре.
Мудрец, он знает счастье простое —

⁴ Уже в названии этого цикла заключена игра смыслов: le gioie означает не только «восторги», но и «драгоценности», «сокровища». Неслучайно здесь появляется мотив драгоценных камней (см. часть II «По мановенью» и часть V «Контраст»), неявно апеллирующий к XXXIV песни «Неистового Роланда» Ариосто, где один из героев, Астольф, взлетает на гиппогрифе на гору земного Рая, луга которой сравниваются с золотом и самоцветами:

*Zafir, rubini, oro, topazi e perle,
e diamanti e crisoliti e iacinti
potriano i fiori assimigliar, che per le
liete piaggie v'avea l'aura dipinti:
sì verdi l'erbe, che possendo averle
qua giù, ne fòran gli smeraldi vinti...*

*Как топаз, рубин, сапфир, жемчуг, золото,
Хризолит, гиацинт, диамант, —
Были здесь цветы, распеширенные
Добрым ветром по радостным холмам.
Зелень трав
Зеленее была земного смарагда...*

(Перевод свободным стихом М.Л. Гаспарова)

Пасколи знал поэму Ариосто с детства, о чём свидетельствует его автобиографическое стихотворение «Романья»:

*О дом родной, гнездо моё! Бывало,
склонившись над раскрытой страницей,
с Астольфом я бродяжничал удало,
врагам Гвидона воздавал сторицей,*

*на гиппогрифе, устали не зная,
взмывал под облака в пылу азарта,
иль оглашалась комнатка немая
речами громовыми Бонапарта.*

(Перевод Татьяны Берфорд)

⁵ Название этой части отсылает к названию аллегорической поэмы друга Пасколи, поэта и литературного критика Северино Феррари (1856—1905), который, как и он, был учеником Джозуэ Кардуччи (1835—1907). Названием же поэмы Феррари в свою очередь послужило прозвище ещё одного поэта из круга Кардуччи — Уго Брилли, сравнившего себя в одном из юношеских стихотворений с Мерлином.

ни гордости, ни зависти во взоре.
Он шлёт гонцов к застенчивой Авроре,
и на челе корона золотится.

II

ПО МАНОВЕНЬЮ

И чудо – очи мёртвые узрели!

Узрели: в поднебесье мостовая
из мраморно-сквозистых облаков;
белёдые соцветья осыпая,
трепещут крылья белых мотыльков;
курится хуторок в молочной дали.

Узрели: мох на камне изумрудный;
лоснятся шелковистые луга;
зелёный лист – челнок на глади прудной;
вихор зеленоватый тростника;
лягушек танец в тинистой юдоли.

Узрели: бирюзовые потоки
ласкают дол среди сапфирных гор;
глаза озёр задумчиво-глубоки;
холмы покрыл фиалковый ковёр,
и волны их купаются в лазури.

Узрели: розоватыми лучами
украсил крыши огненный закат;
дома сияют блёстками-очами;
предместья дымкой трепетной блязнят –
златой, как пышноцветие ванили.

Покой погоста факелы смутили;
на ветках – стая вестников ночных;
в домах больших и малых, как в могиле,
вблизи кроватей, чёрных и немых,
безмолвные чернеют колыбели.

III
ВВЫСЬ

Стрижам златое небо воссияло.

Когда б обрёл я дерзостные крылья,
от сей земли в веселии великом
я б оттолкнулся плавно, без усилья
и к небу поднялся с победным криком...
Пока же в равнодушии безликом
глядит оно, как я влачусь устало.

IV
СЛАВА

«На гору с нами не идёшь, Белаква⁶?»

Нет, не иду — что толку от похода?
Далёк да пылен путь к преддверью Славы,

⁶ В этой части Пасколи, отвечая Кардуччи, который обвинял своего ученика в лени, уподобляет себя Белакве из «Божественной комедии» Данте («Чистилище», песнь IV).

Приятель Данте, флорентиец Белаква (согласно некоторым источникам, его настоящее имя — Дуччо ди Бонавиа) был мастером по изготовлению струнных щипковых инструментов. Он слыл большим лентяем, отвлекаясь от ничего неделанья только чтобы поесть или поспать. Для оправдания своей лени Белаква как-то в присутствии Данте сослался на аристотелевский тезис «в сидении и покое душа делается мудрой», на что поэт заметил ему: «Ежели мудрецами становятся от сидения, нет большего мудреца, чем ты».

Для поддержания своего имиджа заядлого лентяя Пасколи «лениво» заимствует из «Божественной комедии» слова Белаквы:

*Ed elli: «O frate, andar in su che porta?
ché non mi lascerebbe ire a' martiri
l'angel di Dio che siede in su la porta».*

*И он мне: «Брат, что толку от похода?
Меня не пустит к мытарствам сейчас
Господня птица, что сидит у входа...»*

(Перевод М. Л. Лозинского)

При этом он повторяет и «ленивую» тавтологическую рифму, посредством которой Данте характеризует своего приятеля. Сверх того Пасколи усиливает тавтологичность рифмовки, введя ещё одну подобную рифму (Belacqua — acqua).

В процессе перевода пришлось поленился столь же усердно: процитировать соответствующие строки в переводе М.Л. Лозинского, сохранившего тавтологичность Дантовой рифмы. Повторена и тавтологическая рифма самого Пасколи, которая не только по-итальянски, но и по-русски очень напоминает кваканье лягушек.

а добредёшь – придётся ждать у входа.
Куда милее малые забавы:
цикадный смех на солнце у канавы
да причет лягушачий «асqua, асqua!»⁷

V

КОНТРАСТ⁸

1.

Возьму я кварц, добавлю кремнезёма,
нагрею, подарю своё дыханье;
и вот стекла прозрачная истома
фиалом дивным – чашей мироздания –
предстала вам в лазоревом сиянье.
Взгляните – я ль не мастер, не артист?

2.

Бреду один дорогою заветной,
немотно о несбыточном тоскуя,
в пути найду песчаник неприметный,
подчищу, подточу и отшлифую;
кто я – неважно, славы не ищу я.
Возьмите – вот рубин, вот аметист!

VI

ЛОЗА И КОЧАН

Внемлите безыскусному рассказу.
От сизого бокастого Кочна,
сермяжностью его уязвлена,
Лоза-гордячка удалилась к Вязу.

И вот уже гроздьём, отрадным глазу,
отягчены молодые рамена,
и кубок для весёлого вина
запенился по княжескому приказу.

⁷ «Воды, воды!» (ит.).

⁸ В двух художниках, героях этой части, Пасколи предположительно изображает себя и какого-то поэта из круга своего главного эстетического оппонента – Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938).

Но всё ж толика славы на столе
достанется и овощу простому
в одеже из бесчисленных заплат, —

когда вода витийствует в котле,
и добрый пахарь, идучи до дому,
густой похлёбки чует аромат.

В ДЕРЕВНЕ

I

СТАРЫЙ КРЕСТЬЯНИН

Расскажет кучу баек на досуге
седеющий ниварь с лицом суровым —
щербатый мост один во всей округе
он помнит новым.

Расскажет (а волы жуют соломку,
кивают в лад, пофыркивая чинно),
как справил прошлой осенью котомку
из холщевины.

Расскажет (а костёр трещит, поколе
золотой не станут буковые чурки),
как боронил Бова-царевич⁹ поле
на верном Бурке.

II

В ЛЕСУ

Бродил я в затерянных долах,
где вереска цвет оголтелый
меж древних дубов полуголых.

Бродил я в отшельничьих чашах
по старой листве побурелой
среди ландышей среброзвонящих.

⁹ Имеется в виду Буово Антонский, известный у нас под именем Бовы-королевича, который из героя рыцарского романа Андреа да Барберино (ок. 1370 — ок. 1432) превратился к XIX веку в героя итальянского фольклора.

Взбирался на дикие скели,
где в кущах сосновых резвится,
окрест рассыпаючи трели,
крикунья-синица.

Присел я, беглец одинокий,
под сенью сквозистой дубровки,
всем чуждый, от мира далёкий.

И вдруг над равниной вечерней
стенания черноголовки
взметнулись из сумрачных терний.

Те звуки в укрытье зелёном
звенели всё ближе и ближе
припевом любви потаённым:
«А я тебя вижу!»

III ВОЛ¹⁰

У крохотной речушки сквозь туман
следит он велемудрыми очами
за беглыми лазурными волнами,
спешащими в далёкий океан.

Пыльцою золотистою каштан
ему щекочет веки временами;
над тучными весенними полями
застыл он, словно древний истукан.

Смешался свет с туманностью летучей —
просторный горизонт заволокло
химерными созданными эфира;

гигантский диск низринул за кручи,
накрыло доли чёрное крыло —
огромнее огромнейшего мира.

¹⁰ Сонет полемизирует с одноименным сонетом Кардуччи. Социальному звучанию этого образа у своего учителя Пасколи противопоставляет философско-мистическую трактовку: катрены воплощают статику мира, терцеты — его динамику; главным событием становится трансформация одного в другое, производящая впечатление магического акта.

IV

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сегодня гнёзда вить кончают птахи
(на вербное, как будто, — самый срок);
не ищут боле прутиков во прахе, —

на кипарисе, сумрачном и мгlistом,
и в зарослях, где мечется поток,
в густой тени, на солнце золотистом

рождения птенцов безмолвно ждут.
Но звуками другими полны долы:
повсюду раздаётся ровный гуд —
то трудятся рачительные пчёлы.

V

ВЕСПЕР

Звезда взглянула с розового неба.

Дон-дон! — колокола возговорили,
и песня их безбранна и невинна.
Меж тополей повисли клубы пыли:
в молчании бредут простолюдины,
несут охапки сочного люпина
скотине утомлённой на потребу.

Девчушка на террасе напевает —
снуёт по рукоделию иголка;
затихли звоны, вечер затихает,
но даль звенит от гомона и голка:
то вяз весёлый мается без толка —
горланит птичьим голосом нелепо.

VI

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

О гостя незрима,
грядешь ты откуда?

Стою недвижимо
и жду, яко чуда,
на вешнем цветущем
лужку.

Постыли напевы
докучной синицы.
Под сению древа
спешу погрузиться
с усердием пушим
в тоску.

Томленью пииты
зело состраданье
и милость яви ты:
порхни на свиданье!
Слеза увлажнила
щеку...

В заветном апреле,
подруга драгая,
услышу ужели,
душой замирая,
твой голос премилый:
«Ку-ку»?

VI ЗАРЯ

Зацветает ломонос у дороги,
запах дрока духмяней и слаще;
залетали, позабывши тревоги,
птицы-ластовки в оливковой чаще.

И снуют они, чернявые тени,
и порхают бесшумно да ловко,
а на жалобные сплюшкины пени
затетенькала звонко зябловка.

Разрумянилась над соснами зорька:
Отражается в снулой лагуне

да швыряется лучами с пригорка...
«Новый день!» – возгласят щебетуны.

И сияет новый день, новый будень –
день, исполненный мира и хлеба;
и крестьянину труд его не труден,
и поёт с ним необъятное небо.

VIII С НАСЫПИ

Полдень прилёг отдохнуть в луговине.
В небе лазурном – ни тучки, ни тени.
Белый дымок егозит по равнине
пару мгновений.

Сонные звоны над пажитью слышу:
стадо коровье пасётся сторонкой;
из поднебесья, всё выше и выше, –
зов жаворонка.

IX ОДИНОКИЙ ДРОЗД¹¹

На башне престарелой
с привычного насеста
ты песню вдаль отправишь, –
так Богова невеста,
едва касаясь клавиш
рукой лилейно-белой,

трепещущей рукою,
исторгнет из немого
органа в изумленье
три звука – будто слово
земного сожаленья
и вечного покоя.

¹¹ Название, первая строка и образ синего дрозда, символизирующий поэта, апеллируют к одноименному стихотворению Джакомо Леопарди (1798–1837), а образ музицирующей монахини заимствован из поэмы «Грации» Уго Фосколо (1778–1827).

Из пúстыни далёкой,
где мёртвы благостыни,
где холодом одеты
глухие своды, ныне
поведай слово это,
певец мой одинокий!

X
СТЕРНЯ

И где же, поле, звон твоих зыбей
под знойными залётными ветрами?
Глядишься ты пустее и мертвей
среди шпорника и маков с васильками.

Не слышно в заревой притихшей сини
твоих весёлых шорохов отныне:

отправлены безмолвные снопы
на дальнее гумно для молотьбы.

И где твой переливчатый покров,
прозрачно-серебристый в полнолунье?
Сверчок да стайка блёклых светляков
пустую борозду обжили втуне,

всё ищут при обманчивом сиянье
на поле бесполезном пропитанье,

пока ветряк на дальнем на юру,
рокочет жерновами ввечеру.

XI
УШАСТАЯ СОВА

Когда закатится Селена,
от блеска зарниц побледнев,
когда в предрасветье смиренно
проступят химеры дерев,
когда облака жемчугами

заткут заревую парчу,
чей голос летит над лугами?
Чу!..

В седилах густого тумана
запутались отблески звезд,
колышется гладь океана,
шур-р! шур-р! — прошуршало окрест.
И сердце щемит в ожиданье,
и я обречённо молчу,
заслыша вдали причитанье:
Чу!..

Волной первозданного света
трепещущий сумрак омыт,
звенят над землёю согретой
сребристые сестры акрид —
как зовы страны беспечальной,
куда возвратиться хочу..
И отзвуком — плач погребальный:
Чу!..

XII

ГРОЗА

Грохочет беспричинно...

Морские окоёмы
червонного отлива,
а горные изломы
взвихрённо-черногривы;
домишка у обрыва —
как чайка над пучиной.

XIII

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Шипя и грохоча, промчались тучи;
краснеет кровля, струями омыта;
с погоста веют свежестью пахучей
кусты самшита.

Рассыпались над церковкою звоны,
волнами расплескались по лужайке;
играют в догонялки увлечённо
ребячьи стайки.

Вдали темнеет ливня покрывало,
а здесь под небом кротким и приветным
с горы на гору радуга восстала
мостом стоцветным.

XIV

ДОЖДЬ

Заголосил во тьме овина петел.

Закаркала на дереве ворона:
из облака взглянуло солнце зорко —
и марево над чашею лимонно.
Померкло всё. И — дождь как из ведёрка,
и следом — хор лягушечий с угорка,
и луч далёкий пажити приветил.

Вовсю дивятся ласточкины чада
златым булавкам, сыплющим снаружи;
земля спешит напиться до упада;
кругом несметно расплодилось лужи;
вот капли реже, голос ливня глуше —
и купол неба вновь хрустально-светел!

XV

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Возле дороги — вон там, у забора —
ягод весёлые гроздья багровы;
с поля домой спешаю неспоро
рёвы-коровы.

Нищий понуро бредёт в отдаленье;
порскнули стайкою листья-стрекозы;
с поля доносится девичье пенье:
«Розы-занозы!..»

XVI

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Одно лишь ты, маисовое поле,
тревожишь око бдением унылым
под тусклым холодеющим светилом.

Ни шороха в пожелом тиходоле;
исчезла воробьёв шумливых стая;
разлита в небе бледность восковая.

Запела молотилка, причитая:
«Любви начало — в празднествах весенних,
Конец её — в осенних сожаленьях».

XVII

ДЕТСКОЕ ПРИДАНОЕ

Ярится хладовой в прозяблых тучах,
терзая рощу, рвётся напролом
и силло свищет в зарослях колючих.

На изгороди — детские пелёнки;
взметнулись белокипенным крылом
свивальники, слюнявчик, распашонки.

И буря треплет брошенное, чтоб
швырнуть подальше в злобе непреклонной...
А из лачуги, мрачной словно гроб,
несётся плач — надрывный, похоронный.

XVIII

НОЯБРЬ

Так светел день, так овидь осиянна,
что мнится — зацветают абрикосы,
и в сердце запах чувствуешь нежданно
горчащей розы.

Но чёрен тёрн, иссохшими ветвями
в пустое небо горестно врасая,

и гулка под усталыми ногами
земля пустая.

Безмолвно всё. Лишь блёклые виденья
сухих листов шушукуются где-то.
Ноябрь — пора печального прозренья,
умерших лето.

РАЗНОЕ

ТРИ ГРОЗДИ

*Дж. С.*¹²

Три грозди даны нам, друг, для познания:
первую пьёшь — веселишься с зазновой,
пьёшь вторую — забываешь страданья...
Третью не пробуй,

ибо в чёрном её омуте скрыты
сон тяжкий, полуночные химеры,
во мгле блужданья и плач позабытый
горя без меры.

(«Мысли», II)

СЕРДЦЕ И НЕБО

В сердце все наши виденья огромны:
растут, землю с высями обнимая;
и сияет в нём надежда укромно —
гостья немая.

Таково небо — океан безбрежный,
в коем разум утопает с разбега:
по заходе Альфы там гостьей нежной
брезжит Омега.

(«Мысли», IV)

¹² Джачинто Стиавелли (1853–1919) — поэт и литературный критик из Ливорно, рецензент первого издания первого поэтического сборника Дж. Пасколи «Мугисае» («Тамариски»).

МИНУВШЕЕ

Вижу вновь края, где томился, плача, —
ныне в радость мне слёзы того плача.
Вижу вновь края, где познал я радость...
Ныне слёз полна для меня та радость!

(«Мысли», VIII)

СЕРДЦА ЧЕЛОВЕЧЬИ

Не дивись, коль в сердце чьём-то умильном
ненависть почувствуешь потаённо —
и под безмятежным камнем могильным
есть скорпионы.

Не дивись, коль чьё-то полное злобой
сердце вдруг восторг святой обуяет —
иногда и кипарис хмуролобый
гнезда скрывает.

(«Мысли», X)

СОВА

Чёрной грядюю стоят кипарисы,
смотрит луна боязливо и снуло;
вдруг меж теней в обезмолвленной выси
тьень промелькнула:

мета летучая, лёгкая мета,
мета, рождённая сумрачным часом,
скорбно скользнувшая в отблеске света —
бледном, безгласом.

Всюду молчанье. Всё так же прямится
строй кипарисов, над морем восставший;
каждая крона — укryвище птицы
позадремавшей.

И посредине уснувшей вселенной
сквозь кипарисы и блеск полнолуныя —

стрекот над пустошью: смех дерзновенный
Смерти-летуни.

Хохот внезапный, угрозу таящий...
И, словно отклик, слышны временами
писк и смятенье в чернеющей чаше,
скованной снами.

Смерть, воспарившая в небе глубоком
призрачной тенью, крыла распластавшей,
мир проникаешь ты пристальным оком
позадремавший.

Звук твоего ледящего смеха
между пичужьих жилищ потаённых
ужас наводит — и мечется эхо
в замерших кронах.

Нет ни проворней тебя, ни жесточе!
И до поры, как восток озарится,
тайно трепещут под пологом ночи
гнёзда и птицы.

АКАНТ

*Посвящается Эджисто Чекки*¹³

Белей бумаги — дорогой и редкой,
изящными иголками лелеем,
взмываешь ты над листвяной розеткой
летучим змеем.

Твои соцветья — гиппогрифы морды —
смущают насекомых издалёка.
Цветок Поэта¹⁴! высишься ты гордо
и одиноко.

Тобою небрежёт пчела-царица.
Один сыскался до тебя охотник —

¹³ Пасынок ливорнского издателя Раффаэлло Джусто, опубликовавшего в 1891 г. первый поэтический сборник Пасколи «Тамариски».

¹⁴ Имеется в виду Лудовико Ариосто (1474–1533).

с брюшком, что фиолетово лоснится:
пчелиный плотник.

Вкусив заветный дар из кубков малых,
хранителем его он станет ныне —
так прорастают и лоза на скалах,
и мирт в пустыне.

Пастушка рада на исходе года
находке драгоценной и случайной:
душистый мёд сочится из колоды —
твой нектар тайный.

(«Деревья и цветы», I)

В МОЁМ САДУ

В моём саду, в укывище тенистом,
где заросли жасминные теснятся,
малиновка меня потешит свистом
среди акаций;

октябрь усыпал земляное ложе
рыжьём в уплату вешних упоений,
и ягоды с бутонами так схожи
порой осенней —

как зарево рассвета и заката,
когда смежают лепестки-ресницы
одни — другие, полны аромата,
спешат раскрыться;

вечерний звон опять падёт на землю,
закат верхушки тронет еле-еле,
а я исходу дня, забывшись, внемлю
из дивной кельи;

и оживает вновь душа немая,
бродя в воспоминаньях отрешённо,
листка легчайший облик принимая
или бутона.

(«Деревья и цветы», II)

БАРВИНОК

Снова и снова тебя вспоминаю,
глядя в лазурь наднебесных тропинок;
ты — будто память о небе земная,
инок-барвинок.

Я собирал тебя в сумрачных чашах —
там, где сокрыты печаль и утраты,
или в траве у надгробий молчащих
возле ограды.

Видел на кладбище я капуцина,
брёл он, как тень, одяньем темнея:
белобородый, а взор голубиный
сини синее.

Так и в заветных цветах нахожу я
очи небес — красоты несказанной,
что проникают ненастье не всуе
вестью желанной.

И встрепенётся дубрава под ветром,
смутную песнь заводя отрешённо,
а из обители грянут ответом
гулкие звоны.

(«Деревья и цветы», V)

ВОЛЫНКИ

Нынче во сне я услышал волынки —
сердце напеву знакомому радо.
В небе рассыпаны звёзды-снежинки,
в хижинах сонно мерцают лампы.

С чёрных отрогов брели неспешливо,
немо — пока темнота не настала;
будят призывные их переливы
добрых селян от велика до мала.

Люди встают со скрипучих кроватей,
люди жильё озаряют огнями —
полнятся дома зеваньем некстати,
говором тихим, ходьбой и тенями.

Вот фонари засияли в селенье,
светятся окна блаженно и лепо;
стала долина в одно мановенье —
словно огромные ясли вертепа.

В небе высоком застыли светила,
в доле глубоком задумались люди.
Ну, а волюнки, как исстари было,
песню выводят о вере и чуде.

Песню о чуде и песню о вере,
песню церквей и скитов отдалённых,
песню о матери, о колыбели,
песню о наших слезах умилённых.

О, эти звуки так дивно напевны
в час до рассвета и в час до познания —
в час, когда звёзды взирают безгневно
на наше краткое существованье,

в час, когда думать не надо о хлебе,
в час, когда милости много у Бога,
и до трезвона в зардевшемся небе
можно о чём-то поплакать немного —

и ни о чём, и о чём-то о важном,
и обо всём! чтобы в нашем притине
с этим напевом волюнок протяжным
горе не горьким казалось отныне.

Пред наступающим днём, до восхода
можно немного поплакать украдкой...
Радости наши и наши невзгоды
с вами, волюнки, оплакивать сладко!

(«Песни Кастельвеккьо»)

Йован Дучич
ТЕНИ НА ВОДЕ

Перевод с сербского Олега Комкова

ЗАХОД СОЛНЦА

Долго пышет небо медью раскалённой,
Окравив реку; жар зари несносен;
Долго рвётся пламень, гневом распалённый,
Из-за чёрной кромки вековечных сосен.
Где-то в отдалении, у воды незрима,
Мельница забылась в хрипловатом гуле;
Люто страждут своды от огня и дыма,
А кувшинки мирно на волнах уснули.

Вот и снова вечер... И, как прежде, мнится,
Будто там, далёко, за тремя морями,
Где вершин смарагдных блещет вереница,
Под закатной сенью, в первозданном храме —
Венчана тоскою, бледная, как тайна,
Бдит жена всенощно, обо мне мечтая.
Вечна, неизбывна и, как ночь, бескрайна,
Тихой тьмою дышит в ней печаль святая.

Океан у берега искрится, что слёзы,
Стая синих чаек реет, волнам вторя;
Над пустынным садом, где поникли розы,
Песню снов печальной ветер веет с моря.
В небеса вперивши взор, исполнен хладью,
Два гиганта-Сфинкса замерли на страже;
Незнакомка плачет; а над водной гладью,
Обессилов, солнце прячется за кряжи.

Знаю: ей другие чужаки не любы —
Лишь меня душою зрит, сомкнувши вежды.
О любви верной тихо шепчут губы.
Словно смерть, связует верность без надежды!

Ах, не говорите, будто всё иначе,
Будто бредит сердце ложью оболщенья —
Я б зашёлся в плаче, в горьком, вечном плаче
И нигде не видел боле утешенья.

В СУМЕРКАХ

Вновь уводят думы, тяжки и тоскливы,
Вдаль, в пустое поле. Стыло блещут росы.
Над водою мутной горько плачут ивы,
И холодный ветер теребит им косы.
Полумёртвой сенью на закате мреет,
Тихо угасая, бледный дневный пламень.
В небе надо мною ширь немая реет,
Мгла покрыла реку, лес, цветы и камень.

Вот погост у яра. Здесь лежат селяне:
Родичи, соседи — всяк другому ровня;
И стоит поодаль в меркнушем сияньи
Набожно и скорбно ветхая часовня.
На селе потухли огоньки сторожка —
Ночь, уснули доли... Лишь, как призрак млечна,
От села к погосту криво вьётся стёжка,
Чудна, неусыпна, коротка — и вечна.

ЛИСТОПАД

Шла со мною молча: холод полнил вены,
Слёзы не сребрились в помутневшем взоре;
Мертвенно глядели розы и вербены,
Сокрушённый вечер опускался в горе

На седые воды. Словно тень, скользила
Поступью забвенья, тихой и угрюмой.
И одна и та же угнетала сила
Нас бесслёзной мукой и печальной думой.

Тьма недужной ночи осыпала прахом
Старые платаны, водное зеркало;
Два бессонных сердца слушали со страхом
Тишь, где всё так долго, мирно умирало.

И когда сомкнулись в сумраке изгнания
Губы, ледяные от душевной смуты, —
Нам явился тайно ужас осознания:
В каждом поцелуе — смерть одной минуты.

В каждом стуке сердца — чьей-то смерти эхо!
В каждой страсти — бездна чьей-то вечной стыни!
Серой мглы ноябрьской зыблется прореха:
Разве только в Смерти Жизнь осталась ныне.

АККОРДЫ

Лиловой ночью тихо бродят тени;
Сквозь шелест звёзд, мучительно-знакома,
Почудится в немотном запустении
Мне песня сфер над гладью окоёма.

И вновь объемлет небеса и землю
Извечный гул, что слышен издали;
И вновь недвижно, немо, долго внемлю
Я говор вод и шумных листьев речи.

И в языке немолчном разумею
Глас Бытия и каждой вещи шёпот...
Порою тишь наступит, а над нею —
Лишь сердца стук... Но тот же смутный ропот

Проснётся в чаще леса; за ударом
Послышится удар; раздастся ясно
Из чёрного рогозника над яром,
По полю пробежит... И многогласно

Достигнет недр земли! Во тьме страданья,
Как колокол, исполнившийся стона,
Немыслимое сердце мирозданья
Забьётся мерно, тихо, монотонно.

ПОЗНАНИЕ

Её познал я в час небесной хмури;
Сады алкали смерти с нетерпеньем,

Шумел осенний дождь предвестьем бури,
И всё в тоске спешило за успеньем.

И молодость моя уже не знала
О страстных днях, чьё пламя так жестоко:
Мне в душу тень её неслышно пала,
Как лунный свет, бледна и хладноока.

Был глас её – что музыка печали:
И, внемля, думал я в молчаньи строгом
Лишь о минувшем, об осенней дали,
О холодном небе, о прощальном «с Богом!»

Был поцелуй её покойно-льдыстым,
Как мрамор статуй; а льняные пряди
Унывно пахли тягостным и мглистым
Дыханьем роз в полуотцветшем саде.

И по утрам с тех пор мне часто мнилось,
Как будто сбросил я стальные путы:
Не знаю, что душе в те ночи снилось,
Но взор смеркался, полон слёз и смуты.

ТИШИНА

Позабыт пролесок, сумерками тронут;
Брег покрыли тяжко тишина и травы.
Здесь под вечер воды в тихом горе стонут,
И шумят забвеньем вербы, свесив главы.

Средь ветвей, где мреет празелень густая,
Встретил я Разлуку: вечно молчалива,
У реки застыла, наяву мечтая,
И, бледна, глядится в синеву разлива.

Долго ли – не знаю. Но в немотном доле –
Словно чей-то голос пал из ниоткуда –
Тишина проснётся с тяжким вздохом боли,
И пройдёт по листьям дрожь тоски и худа.

ОДНАЖДЫ В ВЕЧЕРНИХ СУМЕРКАХ

Раздранной тверди хмурилась громада,
И мрак по комнате разлился густо;
К нам доносилась из глухого сада
Лишь музыка дождя. Всё было пусто.

Скиталец-ветер с воем веял где-то
Печальной песней. Бледно умастили
Её лицо шелкóвые отсветы:
То хмурый вечер умирал в бессильи.

Мы были немы — но душой больною,
В молчании, окутавшем округу,
Наедине с холодной тишиною,
Всю повесть сердца молвили друг другу.

И тайных дум зловещие извивы,
И страх пред тем, что всяких мук безвестней...
А хмурый вечер наполнял тоскливо
Нас музыкой дождя и ветра песней.

ТОПОЛИ

Что шумят во мраке тополи так страстно,
Так тревожно, странной дрожью обуяны?
Жёлтый месяц тихо сходит за курганы,
Дальней, чёрной вестью вставшие безгласно;

Этой мёртвой ночью сны упали в воду,
Сумраком застыли на свинцовой глади.
Лишь трепещут шумно тополи в прохладе,
Шепчут, шепчут странно, внемля небосводу.

У воды недвижимой я один тоскую,
Из людей последний, преданный забвенью.
Тень у ног простёрлась. В эту ночь глухую
Я дрожу, напуган собственной тенью.

ОЖИДАНИЕ

Миг святой, последний в долгой круговерти
К нам придёт однажды тихо попрощаться,
И друг другу скажем: вот и время смерти,
Как обычно молвят: время возвращаться.

В даль пустую взглянем, где, пространство горбя,
Пролегла граница между тьмой и светом,
И в глазах застынут слёзы поздней скорби,
Скорби, что не знали мы на свете этом —

Солнечным ли утром потеряв друг друга
В зелени прибрежной; или мгливой ночью,
В час, как месяц, белый, словно от недуга,
Мертвенную хладность льёт по заволочью.

Этот миг священный в вечной круговерти
Мы устало встретим, чтобы попрощаться,
И тихонько скажем: вот и время смерти,
Как обычно молвят: время возвращаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвратится снова в пору листопада,
В час, когда заплачут ветры над волнами;
Словно на поминках бледная лампада,
В чёрном одеяньи явится пред нами.

Медленную поступь заглушит уныло
Шум осенних ливней. Не узнать, откуда
Пала тень, что мрамор лика омрачила,
Тайну ли скрывает иль вешает чудо.

И душой осенней к нам войдёт с тоскою,
Наполняя дрожью скорбного покоя
Нас, и сад холодный, и немые дали.

А коснётся старых клавиш лёгким взмахом —
Будут звуки чёрны, рассыпаясь прахом
Непроглядной ночи по застывшей зале.

ТОСКА

Небеса пустынно; вечер смотрит серо,
Поздний луч аллею тронул бледной кистью;
В сумерках, нагая, замерла Венера,
Вся в стыде, презревши фиговые листья.

Вечер, чуть касаясь, умастит ей тело
Ароматом розы и росой синей;
Плечи холодный месяц посребрит несмело,
И волосы покроет полуночный иней.

Молча ждёт, нагая; только страстным взглядом
К небесам взывает, и кричит, и молит!
А в глазах воздетых — стыд и жажда рядом,
И нагие перси дрожь тоски неволит.

Тихо, равнодушно ночь проходит мимо,
Дует лёгкий ветер, лунным светом вея;
Спят земля и небо; и для всех незрима
Явь любви древней в мертвенной аллее.

НОЯБРЬ

Простёрся, как свинцовая завеса,
Осенний небосвод, немой и грозный.
Поля пусты; над самой кромкой леса
Сгустился вечер, тусклый и морозный.
Река бледна и бредит, как больная,
Скелеты ив скорбят о ней по склонам.
А в тёмной выси, горестно стеная,
Тоскует ветер над опавшим клёном.
Мороз объял стерню холодной хваткой;
На тропах слякоть и пути размыло.
Смолкая, птицы прячутся украдкой
В умерший лес. Всё стихло; тьма уныла...
Не знаю, отчего печаль мне снится —
О чём жалеть? к чему желать иного? —
И отчего так жажду схорониться
И где-то плакать — снова, снова, снова...

МОРСКАЯ ВЕРБА

Верба одиноко клонится к прибою,
Зелень кос тяжёлых распутивши в море:
То младая нимфа, проклята судьбою,
Обернулась дровом и шумит от горя.

Внемлет горной песне, что заря рождает,
Вздохам вод, под вечер ищущих забвенья,
И стоит недвижно там, где всё блуждает:
Облака и ветры, волны и мгновенья.

Морю дарит ветку, ветру — лист на счастье
И шумит, над миром замерев высоко;
А кругом, как в сердце, рвущемся на части,
Жизнь шумит печально... Верба одинока.

ЧАСЫ

День больной и мутный; небо непрозрачно.
Над бесцветной гладью вечер стих в печали.
Час незримый пробил приглушённо, мрачно:
И, поникнув, розы краткий век скончали.

Бьют часы вдругорядь: с тополя слетела
Ветошь мёртвых листьев. Онемели склоны.
Вновь удар чуть слышный: словно дух без тела,
Вниз гнездо сорвалось с опустевшей кроны.

И опять, сокрытый где-то в небе льдинном,
Колокол исторгнет стынущие звуки,
Наполняя доли трепетом глубинным,
И тоской, и страхом неизбывной муки.

ПОЛНОЧЬ

Ночь. Музейной залы чёрная утроба.
Пред гранитным Марсом, внемля страстной воле,
Тешится вакханка. Молча льёт Ниоба
Мраморные слёзы вековечной боли.

Оплетённый змием, выгнулся в натуге
Торс Лаокоона. Под незримым игом
Смолк Эдип на камне... Тишь по всей округе:
Слышно, как проходит робко миг за мигом.

Вдруг с высокой башни глухо и зловеще
Колокол наполнил тьму полночным звоном —
И во мраке хладном, где застыли вещи,
Отозвался долгим, непостижным стоном.

Охватил внезапно залу трепет странный,
И почуял всякий, будто весть пророчью:
Там, во тьме, измучен вековой раной,
Гладиатор юный умер этой ночью.

ПОЧЕМУ?

Как брахман, объятый благочестным страхом,
Урну с пеплом предков прячет осторожно,
Дабы нечестивец не разбил безбожно
И мирские ветры не играли прахом, —

Почему, о Муза, так же мы не спрячем
Сердце с милым пеплом тех, кого любили?
И никто б не ведал, как о них скорбили
Ты — в глухом стенаньи, я — с безмолвным плачем.

Как чиста пред небом и свята бескрайно
Та печаль, что словом никогда не стала —
Лишь слезою тихой на щеке блистала
И на бледном лике проступала тайно.

Разве не счастлива та душа, в которой
Светит мир сокрытый, как в звезде небесной,
Что одна сверкает пред вселенской бездной,
Средь светил несчётных в круговерти спорой?

И сиянье моря, что не знает меры,
Век за веком тонет в мгле необычайной —
Там и жизнь и мука остаются тайной
Для бескрайних далей, где блуждают сферы.

Ах, когда б и книга пребыла невидной,
Словно те надгробья на простых могилах,
Что никто на свете осквернить не в силах
Ни хулой безбожной, ни хвалой бесстыдной!

ПОЭЗИЯ

Мраморно-недвижна, холодом объята,
Тихой бледной девой ты в мечтах уснула.
И пускай женою будет песня чья-то,
Что слышна сквозь толщу уличного гула.

Лентой не украшу твоего убора –
Пусть желтеют розы в заплетённой пряди:
Слишком ты прекрасна для мирского взора,
Слишком горделива, чтоб служить усладе.

Слишком полно сердце затаённой боли,
Чтобы всех утешить в несчастливой доле,
А для праздной славы ты скромна и странна.

Будь же равнодушна, коль девичье тело
Вместо пышных тканей трепетно одела
Мреющая дымка тайны и тумана.

ЗИМНЯЯ ПАСТЕЛЬ

Сельская часовня, сгорбясь, в снег осела,
Зябнет средь кладбища. Небо пусто, бело.
Не повеет ветер по-над лесом старым,
Не всплнкнёт печально за крестом, за яром.

Колокол недвижим и молчит уныло,
Весь окоченевший... И давно застыла
Стрелка, указуя тяжкий, будто бремя,
Час, когда однажды умерло и время.

ПОДЕНЬ

На сомлевший остров, мгlistых сосен полон,
Молодое солнце изливает пламя;
И плывёт над лесом и над берегами
Вешний запах моря, синеват и солон.

Лиловеют горы, подпирая своды,
В зыбкой глуби тонут; ровная, без пены,
Шепчет гладь, лаская скал отвесных стены;
Небосвод сияньем согревает воды.

Солнца пыль клубится над омытой глыбой,
И порою чайка искрой серебристой
Вспыхнет над водою. И в лазури чистой
Скалы терпко пахнут вереском и рыбой.

Всё покойно, тихо. И слезу, как в душу
Протянулись моря мирные просторы,
Гуши олеандра, дымчатые горы
И прозрачный отсвет, окаймивший сушу.

Там, в душе, мерцают, молча внемля чуду,
Берега и рощи; и палит, и реет
Молодое солнце; и волна немеет...
Серебрится чайка. Тишь и полдень всюду.

РИМСКИЙ СОНЕТ

Гробница у Анпиевой дороги¹

Спит ещё Цецилья, славная Метелла,
Век во сне минует, и другой начнётся.
Песнь жнеца и птицы с поля долетела,
Но ресниц печальных трепет не коснётся.

В сумерках белеет вдоль дороги стадо;
Голубей спугнула ночи поволока;
Правят легионы путь к воротам града,
В Рим ведут пленённых королей с Востока.

Смежены Цецильи влажные ресницы,
Взглядом отрешённым зрит иные дали;
Не слышны ни трубы, ни ночные птицы...

¹ Имеется в виду гробница Цецилии Метеллы, дочери Квинта Цецилия Метелла Критского, древнеримского полководца, консула 69 г.

Ей века немые быть повсюду дали:
Красоте посмертной в мире нет границы...
Только взгляд остался где-то в дальней дали.

ОДИНОЧЕСТВО

Замерла река в ночном разливе,
Стыла, бела. Не слышать на склоне
Ни волны в камышевом затоне,
Ни шушанья птах в плакучей иве.

Лишь, дрожа, рассеялись туманно
Две иль три звезды по небосводу,
Да глядит с холма в немую воду
Чёрный призрак леса-великана.

Вот блеснуло небо вспышкой длинной,
Чудный шум прошёл по запустенью,
Запах лип разлился над долиной:
То душа ночной исчезла тенью...

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

Перевод Евгения Фельдмана

Джон Хейвуд (ок.1497 — ок.1580)

О БОЛЬШОЙ ГОЛОВЕ

Головою огромной
Удивляешь ты, Эд.
Но к чему сей нескромный,
Беспользанный предмет?

Голова твоя, друже,
Сколько темя ни три,
Безволоса — снаружи
И безмозгла — внутри!

«УМА НЕ ПРИЛОЖУ»

Ответ «Ума не приложу»
Не вызывает возраженья,
Но я вас всё-таки спрошу:
«А есть ли ум для приложенья?»

«ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЕГО УМА»

«За пределами ума» —
В разговоре прозвучало.
Интересно — и весьма —
Существует ли начало?

«СКОЛЬКО ГОЛОВ, СТОЛЬКО УМОВ»

Повсюду — сплошное убожество,
Страна словно стала больной:
Голов — превеликое множество,
Но нету ума ни в одной!

«ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА»

Возражаю — резко и серьёзно:
Лучше никогда, чем слишком поздно!

ХОЗЯИН И СЛУГА

Шли как-то вечером домой хозяин и его слуга.
Вдруг с дерева невдалеке ворона каркнула. — «Ага, —
Хозяин хмыкнул, — старый друг передаёт тебе привет!»
«Не мне, а вам, — слуга в ответ, — мол, сколько зим и сколько лет!»
Хозяин хмыкнул: «Я съязвил, но ты не потерял лица,
И мне, друг мил, в ответ съязвил... Ну, что тут скажешь? Молодца!»

О ЖЕНЕ С НАХМУРЕННЫМИ БРОВЯМИ

— Ни за что б, решив жениться, снова я
Брать не стал создание хмуробровое!
— Ну а мне бы — хоть за хмуробрового,
Только бы не за пустоголового!

О ПОКУПКЕ НОВОЙ ОДЕЖДЫ

— Старые оплошки мучают, как блошки...
Может, полегчает в новенькой одежке?

— Десять гардеробов сменишь, мой хороший,
Но боюсь, что станет десятижды плоше!

ОБ ИСПРАВЛЕНИИ

**ЕСЛИ КАЖДЫЙ ИЗ НАС ИСПРАВИТ ХОТЯ БЫ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА,
ИСПРАВЯТСЯ ВСЕ
(IF EVERY MAN MEND ONE, ALL SHALL BE MENDED)**

Похоже, что все мы сегодня при деле,
Похоже, что трудимся все на пределе,
Где каждый о каждом усердно хлопочет
И только собою заняться не хочет!

Генри Кинг (1592—1669), епископ Чичестерский

ЭПИГРАММА

Quid faciant Leges, ubi sola pecunia regnat? &c
*Petronius Arbitr*¹

Кому Законы служат в царстве Денег?
И к правде путь не слишком ли крутенок
Для бедняка, где праведники тоже
Торопятся продаться подороже,
Где Суд является публичным торгом,
И Двор тому потворствует с восторгом?

Джон Саклинг (1609 — 1642)

ПОСТОЯННЫЙ ЛЮБОВНИК

Три недели я верен был вам.
Три недели, как миг, пролетели.
Если будет, как нынче, тепло,
Буду верен ещё три недели.

Облетите вселенную всю,
Оборвите вы крылья в полёте,
Вы мужчину вернее, чем я,
Никогда и нигде не найдёте!

Роуланд Уоткинз (1614—1664)

* * *

Сяду я на гордого коня, —
Окажусь в канаве придорожной.

Серый ослик довезёт меня,
Скромный, терпеливый, осторожный.

¹ *Quid faciant leges, ubi sola pecunia regnat?* — Чем нам поможет закон, если правят в суде только деньги? (Гай Петроний Арбитр, ок. 14—66 г. н.э.; Сатирикон. Сатира 14. Перевод Б.И. Ярхо). — Отсюда и далее все примечания принадлежат переводчику.

Джонатан Свифт (1667–1745)

«ВО ХРАМЕ БОЖЬЕМ БЕЗ БОЯЗНИ...»

Во храме Божьем без боязни
Себя подвергнул смертной казни
Ваш предок доблестный когда-то,
Но, к сожаленью, поздновато:
Куда как славно жизни нить бы
Ему обрезать до женитьбы!²

Александр Поуп (1688–1744)

НА НЕКУЮ ПРИДВОРНУЮ ДАМУ

Мне знакомо чудо из чудес,
Женщина – явление Природы.
Рядом с ней не пикнет даже бес,
Сплетни прекращают хороводы.

Светлое, открытое лицо
(Мы давно такого не встречали!),
Добрый юмор, умное словцо,
Лёгкие, минутные печали.

Нет на ней ни пятнышка греха,
Странность есть одна – на ней лишь ловят:
Женщина становится глуха
Всякий раз, когда ей славословят!

ЭПИТАФИЯ ДЖОНУ ГЕЮ³

Не раз ему, люди, вы портили кровь
И грязью его обливали.
Джон Гей вас покинул навеки – и вновь
Вернуться захочет едва ли.

² В переводе С.Я. Маршака «Соболезнование потомку самоубийцы».

³ *Джон Гей* (1685–1732) – английский драматург и баснописец, автор знаменитой комедии «Опера нищего» (преьера состоялась 29 января 1728 г.), тему которой подсказал ему Джонатан Свифт.

Ровно 200 лет спустя, позаимствовав сюжет у Гэя, Бертольд Брехт (1898–1956), выдающийся немецкий драматург и режиссёр, создал свою «Трёхгрошовую оперу» (1928).

В том же году «Трёхгрошовая опера» была переведена на русский язык.

«Басни» Гэя переведены на многие языки мира, в том числе на урду и бенгали.

Томас Сьюард (1708—1790)

**ЭПИГРАММА, ПРИЗВАННАЯ ОТВРАТИТЬ
ОТ СОЧИНЕНИЯ СТИХОВ ВСЕХ, КТО СКЛОНЕН
К ЭТОМУ БЕЗНАДЁЖНОМУ ЗАНЯТИЮ**

Семь богатых городов
О Гомере спор ведут.
Каждый город говорит:
«Жил Гомер не там, а тут!»

Бесконечен этот суд,
Бесполезна трата сил:
В каждом городе Гомер
Подаяние просил!⁴

Томас Блэклок (1721—1791)

**ДЖЕНТАЛЬМЕНУ, КОТОРЫЙ СПРОСИЛ,
КАК Я К НЕМУ ОТНОШУСЬ**

Зачем ты так себя напряг?
Запомни: я тебе не враг.
Теперь, когда прошёл испуг,
Запомни: я тебе не друг.

Роберт Бернс (1759—1796)

**БЛАГОДАРСТВЕННАЯ МОЛИТВА
В ДОМЕ ГРАФА СЕЛЬКИРКА**

У кого-то есть еда,
Да беззубы господа,
А зубастые порой — без корки лишней.
А у нас еды в достатке
Да и зубы все в порядке,
Так что будь благословен, Отец Всевышний!

⁴ В переводе С.Я. Маршака «Спор городов о родине Гомера».

**НА МИСС ДЖИННИ СКОТТ
ИЗ ЭЙРА**

Когда б издревле каждый скотт
Был храбрецом, как Джинни Скотт,
Тогда б издревле каждый бритт
Имел довольно бледный вид.

ЛИЗОБЛЮД

Пускай с тобою дружит граф
И герцог. Ну и что ж? —
На королеве побывав,
Осталась вошью вошь!

Уильям Темпл Франклин (1762—1823)

«Я И ВРЕМЯ, — СЕЙ СОЮЗ МОГУЧИЙ...»

Я и Время, — сей союз могучий
Двум противостанет — даже львам,
И противостанут я и Случай
Времени, а также, сударь, вам.

Уолтер Лиф (1852—1927)

НА ОДНОГО ОКУЛИСТА

Не кричи врагу, грозой-гроза:
«Проклинаю я твои глаза!»

Тут хоть проклинай, хоть волком вой,
Результат получишь нулевой.

Доктор Сле́пинг, местный окулист, —
Вот где, я скажу, специалист!

Не угрозы шли, а шли к нему:
Тьму врагов он погрузит во тьму!

Редьярд Киплинг (1865—1936)

ЦИКЛ «ЭПИТАФИИ ВОЙНЫ». 1914—1918

УБЫТКИ ПОРОВНУ

А: «Я был при жизни Богачом».

Б: «А я страдал от нищеты».

(Оба вместе):

«Тогда чего ж лишился я
такого, что не отдал ты?»

СЛУГА

С начала нынешней Войны
мы врозь не прожили ни дня.
Он был слугой моим — и он
был благороднее меня.

СЫН

Мой сын убит в коротком промежутке,
Когда он посмеялся чьей-то шутке.

Я знать хочу, что сына насмешило
В тот самый миг, когда его прошило,

И в час, когда наш смех совсем уж редок,
Я вспомню эту шутку — напоследок.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН

Никого не убил я на этой Войне,
Только Маму убил я — тоской обо мне.

БЫВШИЙ КЛЕРК

Не плачьте, прохожие! В Армии сходу
Покорнейший раб заработал Свободу,
Свобода ему подарила, мирволя,
Здоровье, и ум, и железную волю,
И вволю его наделило здоровье

Весельем, Товариществом и Любовью.
Любовь проводила прямёхонько к Смерти,
И с этою дамой он счастлив, поверьте.

ЧУДО

Сержант безжалостной рукою
Вогнал в устав мой Дух и Плоть.
Коль он способен на такое,
На что способен Ты, Господь?

ИНДИЙСКИЕ СИПАИ ВО ФРАНЦИИ

Какой-то местный господин
нас часто призывал к победам
И часто Бога вспоминал,
который нам совсем неведом.

Пусть этот Бог вознаградит
того, кто, часто выступая,
Был так отважен на Войне
отвагой бедного сипая!⁵

ТРУС

На Смерть не посмел посмотреть я в упор,
И люди мне вынесли свой приговор:
К стене привели, завязали глаза,
И Смерть не увидеть мне стало нельзя.

ШОК

Фамилья, имя, — даже речь —
всё рухнуло в провал.
Рыдали дети и жена, —
я их не узнавал.
Я умер. Мама — вслед за мной.
Лишь на её груди
Очнулся я и вспомнил всё,
что было позади.

⁵ *Sunai* — наёмный солдат британских войск. Войска сипаев формировались из местного населения Индии; просуществовали с 18 века по 1947 г. — *Примечание переводчика.*

МОГИЛА В ОКРЕСТНОСТЯХ КАИРА

Сей бравый малый, Боги Нила,
Большой Войны прошёл горнило,
И нет в нём страха, нет стыда. —
Пускай исчезнет — навсегда...

ПЕЛИКАНЫ В ПУСТЫНЕ (МОГИЛА В ОКРЕСТНОСТЯХ ХАЙФЫ)

Надо мною пески
 возвышаются шапкой зыбучей.
Где лежу я,
 неведомо детям скорбящим моим.
Вы, о крылья,
 с утра начиная полёт свой могучий,
Возвращаете странника к вечеру —
 им, молодым!

ДВЕ НАДПИСИ НА ПАМЯТНИКАХ КАНАДСКИМ СОЛДАТАМ

I

Уйдя в расход, мы взяли весь барыш.
 Хвальбой и плачем не тревожа прах,
Запомни то, что ближним повторишь:
 Не Смерть вгоняет в гроб, а Смертный Страх!

II

Мы шли из малых городков,
 оставив родину вдали.
Мы шли, спасая честь и мир,
 когда его нещадно жгли.
Мы спим у малых городков,
 мы спим вдали, в чужом краю,
Доверясь миру, что для вас
 когда-то добыли в бою.

ОДОЛЖЕНЬЕ

Мне тягостно было ждать,
и сделала Смерть одолжение:
Сначала пришла за мной,
а после — за остальными,
И, сделав свою работу,
сказала в конце сраженья:
«Твой корень, твой род, пресекая,
зато я спасла его имя».

НОВОБРАНЕЦ

(На представление, вытянув шеи,
Дети любят, стоя не стуле).
В первое утро в первой траншее
Пал я от первой снайперской пули.

ПИЛОТ КОРОЛЕВСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ (ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ ОТ РОДУ)

Не сменивший ещё и молочных зубов,
он смеялся, ведя самолёт в облаках.
Города и людей он бомбил под собой,
всё живое внизу обращая во прах.
Он по-детски был рад, наблюдая, как смерть
всякий раз получает его адресат..
Он игрушки свои отложил навсегда,
и они в наши дни никому не грозят.

БЛАГОВОСПИТАННЫЙ

Я был хорошо воспитан.
Я в клозет не ходил с другими.
Меня убили поодаль,
когда я пускал мочу.
Джентльмены, что тут смешного?
По деаньям да будем судимы:
Ведь я заплатил свою цену,
чтобы жить так, как я хочу!

ТУЗЕМЕЦ-ВОДОНОС
(СРЕДНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ)

Огонь Прометея довёл до беды.
Но боги ревнивы и ныне:
Покойный за лишнюю *кварту* воды
Квартиру нашёл в домовине.

ПОГИБШИЙ В ЛОНДОНЕ ВО ВРЕМЯ БОМБЁЖКИ

Я, хлябь и твердь перехитрив,
избег повестки призывной,
Но призван был на небеса,
что раскололись надо мной!

СОСЛИВЫЙ ЧАСОВОЙ

Прескверно стоял на посту я,
и службу мне впредь не нести:
Уволил расстрел подчистую.
Прохожий, пойми и прости,
В печальное вникнув событие,
прости — я служить перестал,
И сплю, потому что убит я.
Убит, потому что я спал.

БАТАРЕИ БЕЗ БОЕПРИПАСОВ

Был праздник.
Были сменщики пьяны.
Не ждите нас:
Мы не придём с Войны.

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

— Из-за чего погибли вы, юнцы?
— Из-за того, что лгали нам отцы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЖ

Ни таланта, ни привычки
Ни к лопате, ни к отмычке.

Но унынию не поддался
И в политики подался.

Стал в парламенте буянить,
Стал толпе мозги туманить.

Но за гробом нынче худо:
Правда лезет отовсюду.

Но за гробом жду я с дрожью
Встречи с гневной молодёжью,

Павшей в гибельной атаке
Под мои лихие враки.

Неужели лжепророка
И за гробом бьют жестоко?

МЯТЕЖНИК

Когда бы, у Твоих скандала Врат,
Я убедил Тебя открыть задвижку,
Я б улизнул и вновь пожить был рад,
Начав с новорождённого мальчишки.
И, уверяю, петлю и правёж
Встречал бы вновь с отвагой молодецкой,
Твоих забот не ставя в медный грош,
Пока б не удостоился мертвецкой.
Планеты крутит, Вечный Судия,
Твоя непобедимая Десница.
Крути-верти, но я – всё тот же я,
И Высшим Силам впору устыдиться!

ВСЕПОКОРНЕЙШИЙ

Я каждый день молитвы возносил,
Но Божествам не слышан был мой голос.
У жертвенника падал я без сил,
Но небо для меня не расколосось.
Невежества не спал с меня покров.
С бедою старой новые насели.

Не взяли Божества моих даров.
И всё ж я им служу. Служу доселе.

ДРИФТЕР ИЗ ТАРАНТО

С севера двинув на юг,
мы тралили денно и ночью
Яйца, в которых беда —
под скорлупою стальной,
Много их подняли. Вдруг
взрыв беспощадно и мощно
Дрифтер укрыв навсегда
под озверевшей волной!

СТОЛКНОВЕНИЕ ЭСКАДРЕННЫХ МИНОНОСЦЕВ

Никакого нет спасенья
от Судьбы и от Тумана,
А у них для нас —
недобрые гостинцы.
Я к невесте торопился,
но погиб я от тарана.
Лучший друг
был капитан
того эсминца.

КОМАНДИР МОРСКОГО КОНВОЯ

Я, успокоив
Трусов, героев,
Глупое стадо
Вывел из ада.
Дале пришлось
Встать на приколе.
Нет меня боле.
Стадо — спаслось.

НЕОПОЗНАННЫЙ ЖЕНСКИЙ ТРУП

Лежу без головы, без рук, без ног.
Кем я была, узнать никто не смог.

Так пусть узнают женщин сыновья,
Что матерью была когда-то я.

ИЗНАСИЛОВАННАЯ, НО ОТОМЩЁННАЯ

Один меня изнасиловал
и искромсал в иступление.
Другой оказался свидетелем
ужасного преступления.
Сто человек уничтожили,
и варвар узнал побеждённый,
Какова цена благосклонности
женщины свободнорождённой!

МОГИЛА В САЛОНИКАХ

Идут за днями дни и сходят прочь,
Но-черепашьи уползая в ночь.

Идут из года в год, из рода в род.
Я сам включился в их круговорот.

Войны не бойся. Знай: в урочный час
Лишь тиф и время убивают нас.

ЖЕНИХ

Я – лжец? Ты трижды неправа!
Хотя я клялся, что люблю,
Хотя, познав тебя едва,
Я лёг с другой и с нею сплю, –

Я с ней сошёлся, не любя,
Костлявой, жуткой, неземной;
Она задолго до тебя,
Как тень, повсюду шла за мной.

Но чудо ль то, что столько лет
Нас рок не мог соединить! –
Прими прощальный мой привет.
Мне ничего не изменить.

Расстанься с Памятью скорей,
Как ни была б она горька,
А мы с супругою моей
Начнём отсчитывать века.

**СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ
ЧЛЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ОТРЯДА
АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ
(СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ)**

Будь катера не столь шустры,
 никто б не разыскал
Останки юной медсестры
 среди эгейских скал.
Не муж, не дети — медсестру
 оплачут моряки,
Врагу сломавшие игру,
 всем козням вопреки!

**АКТЁРЫ
НАДПИСЬ НА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКЕ
В ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ,
Г. СТЭТФОРД-НА-ЭЙВОНЕ**

На радость, на печаль вам так и сяк
Кривлялись мы, но наши дни — прошли.
Вы извините, если что не так:
Мы до конца служили, как могли.

**ЖУРНАЛИСТЫ
НАДПИСЬ НА ПАНЕЛИ
В ЗАЛЕ ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТОВ**

Жил.
Послужил
Лжи.
Лежи...

Хилар Беллок (1870–1953)

О ВСЕОБЩИХ ВЫБОРАХ

Аристократы,
Кляты трикраты,
Ушли, ребята вельможные.
(С ними – их Женщины,
Оргии Пьяные,
С ними – Битвы Картёжные!)

В те же палаты
Пришли Демократы.
Дебаты – те же пространные.
(С ними – их Женщины,
Битвы Картёжные,
С ними – Оргии Пьяные!)

Джордж Ростревор Гамильтон (1888–1967)

ПРОФЕССОР ПОСЛЕ КАНИКУЛ

Университетский профессор истории
Вещал студенческой аудитории

О рыбацких рекордах, поставленных летом...
А его студенты размышляли при этом:

«Профессор истории – фигура заметная.
Попробуй скажи ему: “Чушь несусветная!”»

Джастин Ричардсон (1900–1975)

НЕ СМУЩАЙТЕСЬ, НЕВЕЖДЫ!

Много лет я был в смущенье, волновался от стыда:
Элиота не читал я никогда.
Но догадка озарила, наступил душевный мир:
Элиота не читал и сам Шекспир!

Из Вольтера
Сборник «Избранные эпиграммы Додда»

ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫРАЖЕНИЯ «УБИВАТЬ ВРЕМЯ»

Кипя в густом словесном блюде,
Бесстыдно хвастаются люди,
Как лихо «время убивают»,
Когда в безделье пребывают.

Людское племя столь же лихо
Я убиваю — только тихо.
А чем хвалиться? Все мы биты,
И, значит, те и эти — квиты.

Морис Хэр

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ ИЗ ЖИЗНИ
ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТОРА АЛЬФРЕДА ДЕ МЮССЕ

Слушайте все!
Месье
Альфред де Мюссе
Назвал свою мурку Муськой,
Обнаружив в момент
Свой французский
Акцент!

Неизвестный автор

О ТОМ, КАК УИЛЬЯМ ПИТТ ВЫПУСТИЛ
БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Об Августе и Риме поэтов дружный хор
Восторженные гимны слагает до сих пор:
До Августа — из глины постройки были все,
А после — строгий мрамор царил во всей красе.

Об Англии и Питте поэтов тот же круг
Восторженные гимны слагает без натуг:
До Питта было золото, но Питт — великий маг,
Остались после Питта лишь тысячи бумаг!⁶

⁶ Уильям Питт Младший (1759–1806), премьер-министр Великобритании в 1783–1801 и 1804–1806 гг. По окончании войны с северо-американскими колониями в 1783 г. государственный долг Великобритании составлял 250 млн фунтов стерлингов, сумму по тем временам астрономическую.

БЕДНЫЙ БОГАЧ

– Ты – богач известный. Что ж
Ты по-нищенски живёшь?

– Я иначе не могу:
Я здоровье берегу!

(А на деле сей дундук
Бережёт лишь свой сундук!)

ДЕНЬГИ И ЛЮДИ

Деньги и люди – отмечены мрачною связью,
Грязным соблазном ведущую их к безобразью:
Лживые люди печатают деньги фальшивые,
Деньги – людей превращают в их копии лживые.

«ЧЕМ ЧАЩЕ НА ДЕВУШКУ СМОТРИМ, ТЕМ МЕНЕЕ...»

Чем чаще на девушку смотрим, тем менее
Мы склонны смотреть на неё в восхищении.

Чем чаще одежду набросим, наденем,
Тем чаще одежду на новую сменим.

НА КРИТИКОВ-ШЕКСПИРОВЕДОВ

Ваши толкованья, ваши мнения –
Помощь в пониманье мыслей гения,
Но никто понять не в состоянии
Ваши мненья, ваши толкования.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

По-голубиному живи,
чтоб не вредить тому, кто рядом,
Но, чтобы выжить самому,
живи ползучим, хитрым гадом!⁷

⁷ Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи. См.: Евангелие от Матфея, Глава 10, стихи 16–18.

«МИСТЕР КОСТЬ И МИСТЕР КОЖА...»

Мистер Кость и мистер Кожа
Обещают голод... Боже!

Мистер Кровь и мистер Плоть
Молят: «Смилуйся, Господь!»

«УШЁЛ ЗА ПРАОТЦАМИ СЛЕДОМ...»

Ушёл за праотцами следом
Он в настроенье неплохом
С непереваренным обедом
И неотпущенным грехом.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Был бедняком – был правдивым, простым, непритворным.
Разбогател – подражает вельможным придворным.
Делает вид, что меня не припомнит, иуда...
Если *себя* позабыл, то *меня* ему помнить – откуда?

«ОБОЖАЮ ВАС И ПРОКЛИНАЮ...»

Обожаю вас и проклинаяю,
Ненавижу и боготворю.
Как так получается, не знаю,
Знаю только – правду говорю.

«СКАЗАЛ МНЕ ВОР И ЛИЦЕМЕР...»

Сказал мне вор и лицемер:
«Сколь грязен мир, дружище!»
А я в ответ: «Умрите, сэр,
И станет в мире чище!»

БЕДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ!

По ТРИДЦАТЬ лет живёт ишак,
У бара не замедлив шаг.
По ДВАДЦАТЬ лет живёт овца,

Не зная джина и пивца.
По ВОСЕМНАДЦАТЬ тянет бык,
Что лишь к воде одной привык.
ПЯТНАДЦАТЬ лет живёт Полкан,
Не тяпнув рома и стакан.
ДВЕНАДЦАТЬ лет живущий кот
Лишь молоко и воду пьёт.
Живущий ДЕСЯТЬ лет петух –
Не алкоголик, не питух.
От ишака до петуха
Все в этом мире без греха.
Но СЕМЬДЕСЯТ нетрезвых лет
Живёт иной пропащий дед,
И, лазя в злачные места,
Иной субъект живёт до СТА!

Евгений Фельдман

БРИТАНСКИЕ ПРАВЯЩИЕ КРУГИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мастера интриг и гольфа,
Проморгавшие Адольфа!

ИЗ ЛИХТЕНБЕРГА

Когда книга сталкивается с головою –
и при этом раздаётся глухой пустой звук,
разве всегда виновата книга?

*Георг Кристоф Лихтенберг*⁸

Когда свалилась книга вдруг
Тебе на голову, мой друг,
Глухой, пустой раздался звук...
И вот подумалось тогда-то:
А что, коль сей раздался звук
Здесь не случайно и не вдруг,
А что, коль здесь, мой милый друг,
Совсем не книга виновата?

⁸ Лихтенберг Г.К. Афоризмы / Подг. Г.С.Слободкин. – 2-ое изд. – М.: Наука, 1965. – С. 184.

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА КРИСТОФЕРА МАРЛО В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ А.Т. ПАРФЕНОВА¹

А.А. Рябова, Д.Н. Жаткин

В отличие от многих предшественников, в частности В.К. Мюллера [см.: 1, с. 226–234], Г.Г. Шпета [см.: 2, с. 143–146], И.А. Аксенова [см.: 3, с. 149–154], А.А. Аникста [см.: 4, с. 359–362], А.Т. Парфенов (1930–1996) начал осмысление марловской тематики не с небольших статей и зарисовок, а с солидных, фундаментальных исследований. В 1961 г. им была написана вступительная статья и составлены комментарии к остающемуся и поныне лучшим однотомнику сочинений Марло, выпущенному Государственным издательством художественной литературы [см.: 5, с. 3–40; 6, с. 615–661], в 1964 г. увидела свет его монография «Кристофер Марло» – первая и единственная книга об английском драматурге на русском языке [см.: 7], в 1965 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Трагедии Кристофера Марло» [см.: 8]. В работах последующих лет марловская тематика была для А.Т. Парфенова не основной, хотя интересные наблюдения над творчеством драматурга можно видеть в статьях «Марло, Шекспир, Джонсон как современники» (1975) [см.: 9, с. 88–96], «Легенда о Фаусте и гуманисты Северного Возрождения» (1981) [см.: 10, с. 163–170], в учебном пособии для филологических специальностей вузов «Бен Джонсон и его комедия “Вольпоне”» (1982) [см.: 11].

Характеризуя эпоху Возрождения как закат старого феодального миропорядка и возникновение новых буржуазных отношений, сопровождавшиеся *возникновением гуманистического идеала свободного развития гармонической личности*, А.Т. Парфенов говорил об утопии возрожденческого гуманизма, который, опираясь на традиции античности, отказывался от восприятия идеала в законченном образе, предпочитая утверждать абсолютное движение. Характерное для гуманистов Возрождения трагическое мировосприятие, согласно А.Т. Парфенову, имело двойственную природу, ибо, с одной стороны, ренессансный гуманизм являлся «предтечей гуманистических и освободительных идей нового

¹ Статья подготовлена при реализации проекта №34.5063.2017/БЧ «Русская рецепция драматургии современников Шекспира (проблемы текстологии и поэтики)» государственного задания вузу Министерства образования и науки Российской Федерации.

времени», а с другой – вместе с ним «трагически погибал исторически неповторимый, утраченный навсегда этап человеческой культуры» [7, с. 8]. Расцвет трагедии как центрального жанра английского ренессансного искусства позднего исследователь объяснял гибелью старых устоев и развитием противоречий капитализма, которые «именно в Англии сошлись во времени наиболее близко», вызвав одновременное сосуществование разнообразных типов сознания – «от патриархального до развитого буржуазного и абсолютистского» [7, с. 9]. Отмечая два направления в гуманистическом движении эпохи – придворно-аристократическое и народное – А.Т. Парфенов признавал, что только второе из них оказалось способным «наиболее остро воспринимать трагедию эпохи, улавливать тенденции общественной жизни, враждебные идеалам свободной гармонической личности» [7, с. 9]. Созданные для общедоступного английского театра в 1880-е гг. трагедии Т. Кида и Марло были первыми произведениями, в полной мере опиравшимися на ренессансно-гуманистические идеалы, но, несмотря на синхронность появления, являвшими собой «разные ступени в изображении трагической действительности»: пьесы Т. Кида (в особенности, его «Испанская трагедия»), будучи мало подверженными влияниям средневекового народного театра и в значительной степени связанными с античной драматургией, предшествовали произведениям Марло [см.: 7, с. 11–12].

В творчестве Марло нашли отражение особенности гуманистического идеала Возрождения – *пафос освобождения личности, пафос обретения нового знания, скептицизм по отношению к догмам, – однако основной акцент делался на процессе становления личности в ее бесконечной устремленности к самопознанию и самоутверждению, к осознанию расцвета красоты, чувств и сил свободного человека*. Для целеустремленных марловских героев неизбежна трагическая ошибка, заключающаяся в «переходе благородного стремления в преступную и гибельную страсть» и приводящая к разрушению идеала свободного развития личности; по мнению А.Т. Парфенова, «творчество Марло, с одной стороны, стало первым великим художественным манифестом гуманизма в английском театре XVI века; с другой стороны, оно стало и первым художественным свидетельством неизбежной гибели ренессансных идеалов» [7, с. 14; см. также: 8, с. 3].

Исследователь отмечал интерес Марло к *положению английского плебса и деклассированных низов*, проявившийся не только в жизненной позиции, но и в творчестве, прежде всего, в создании *героя из низов* – «скифского пастуха» Тамерлана, рожденного в простой семье доктора Фауста, отверженного по религиозным и этническим соображениям

Вараввы. И даже в поздних произведениях, представивших мир большой политики, рядом с королями и их придворными неизменно оказывались незнатные искатели счастья, бедные ученые и др., например, Гевестон, Спенсер Младший («Эдуард II»), Рамус («Парижская резня»). Изображение бедственного положения низов — персидских солдат, голодных работ, увечного уэльского косаря — не было, на взгляд А.Т. Парфенова, осознанным проявлением демократизма, символизируя лишь отчетливую марловскую *веру в человеческую личность, в ее право на свободное развитие* [см.: 7, с. 18]. Характерная *народность* вела Марло к раннему, в сравнении с драматургами-современниками, осознанию *обреченности* ренессансного героя-бунтаря и духовного мира Возрождения в целом.

А.Т. Парфенов относил все произведения Марло к достижениям *реализма эпохи Возрождения*, поскольку, на его взгляд, в каждом из центральных героев воплощалось *бесконечное, абсолютное стремление* к любви, власти, знанию, богатству. Если в первых трагедиях действительность выступала в условных формах, облекаясь в фантастические образы, а романтика сказывалась в изображении сильных фигур и необычных ситуаций, пафосе стиля, то постепенно в марловские пьесы закрадывались ирония, осознание тщетности высоких помыслов героев, не замечавших несоответствия своих стремлений действительности, — реализм последних пьес был связан с конкретизацией образов, отказом от символики и фантастики, угасанием пафоса, развитием сатирического начала [см.: 7, с. 18–19; 8, с. 4].

Для А.Т. Парфенова, в отличие от многих других исследователей, значение Марло состояло не столько в его предшествовании Шекспиру, сколько *в неповторимом идейно-художественном богатстве самих созданных произведений*, «в котором каждый поворот исторического развития обнаруживает новые сверкающие грани»; так, марловские образы сводят воедино «нити, ведущие и в далекое прошлое человеческой истории, и в глубь ее будущего» [7, с. 20], позволяют говорить о красоте человеческой природы, о колоссальных возможностях личности и трагизме ее бытия, способны захватывать своей остротой и силой читателей все новых и новых поколений.

Уже в работах первой половины 1960-х гг. наметился целый ряд тенденций восприятия А.Т. Парфеновым Марло, позволяющих говорить об особой концепции исследователя. А.Т. Парфенов *стремился к системному соотношению отдельных эпизодов из произведений Марло и фактов из его биографии*. Например, одно из самых ярких *детских впечатлений* — посещение Кентербери королевой Елизаветой I в 1573 г., сопровождавшееся празднествами, появлением пышно одетых придворных, — вылилось

в последующее соотнесение триумфа марловских героев и неизбежности пышных процессий и шествий [см.: 5, с. 5]. Среди кентерберийских «достопримечательностей», сохраненных детской памятью будущего драматурга, были и условно упомянутая в «Тамерлане Великом» камера смертников в Западных воротах, из которой приговоренных выталкивали с петлей на шее, и передававшаяся из уст в уста трагическая история монаха Стоуна, брошенного живым в котел с кипящей водой (та же участь ждала Варавву из «Мальтийского еврея»); вместе с тем Марло ни разу не упоминал о знаменитом Кентерберийском соборе, ибо был склонен «скорее мечтать о разрушении гордых храмов, чем любоваться ими» [5, с. 6]. По мнению исследователя, пролить свет на школьные годы Марло, о которых практически не сохранилось свидетельств, помогают стихи из исторической хроники «Эдуард II», вложенные в уста Болдока, призывавшего короля быть смелее в своих действиях: «Как будто бы король еще школяр / И нужно вашу милость как ребенка / Держать и в подчинении и в страхе» [см.: 5, с. 6; 7, с. 26]. Среди кентерберийских знакомств юного Марло А.Т. Парфенов отдельно упоминал о *Роджере Мэнвуде*, в библиотеке которого долгое время находилась завершенная и опубликованная только в 1603 г. объемная рукопись Ричарда Ноля «Общая история турок», о предположительном знакомстве с подготовительными материалами к которой свидетельствуют ближневосточные реалии в марловских трагедиях — «Тамерлане Великом» и «Мальтийском еврее» [см.: 7, с. 27].

Еще более ощутимым представлялось А.Т. Парфенову влияние на Марло *университетских впечатлений*. Так, в «Трагической истории доктора Фауста», представляя главного героя как воспитанника университета в немецком Виттенберге, английский драматург в реальности описывал не Виттенберг, а «Кембридж с его аудиторией для диспутов (Schooles) и студенческим жаргоном» [5, с. 7]. На тех же университетских впечатлениях основан и воссозданный в «Эдуарде II» иронический портрет типичного английского ученого XVI в., во многом предвосхитивший описания английских эссеистов начала XVII в., — «черная одежда, расчетливая скромность, потупленный взор и никому не нужная тонкость в употреблении вместо *propterea quod* союза *quandoquidem*» [5, с. 7]; такой типаж, неизменно заискивая перед дворянами, подчеркивая свое смирение перед властью и силой, в душе считал себя «образцом изысканности» [7, с. 51].

Отражение особенностей текущей кембриджской научной жизни, характеризовавшейся сочувственным интересом к личности ученого-протестанта Пьера де ла Раме (Рамуса), погибшего от руки католика-убийцы

во время резни гугенотов, начатой в Варфоломеевскую ночь, А.Т. Парфенов усматривал в диалоге герцога Гиза и Пьера Рамуса в «Парижской резне», свидетельствующем об осведомленности драматурга «в основных положениях философии Рамуса и даже в его терминологии» [5, с. 7], в частности, об осознании им обстоятельств борьбы ученого против схоластики, причин решительного отказа Рамуса от признания авторитета в качестве основания для доказательства научной истины, а также о желании защитить память Рамуса от вульгарных трактовок его трудов как «ниспровержения» «Органона» Аристотеля. Как отмечал А.Т. Парфенов, идеи Рамуса нашли отражение и в более ранней «Трагической истории доктора Фауста», где уже в первом действии в уста главного героя была вложена критика формальной логики как умения рассуждать, опирающаяся на трактат Рамуса «Диалектика» [см.: 7, с. 34].

Наряду с детскими и университетскими впечатлениями существенное влияние на формирование индивидуальности Марло-драматурга оказали, на взгляд А.Т. Парфенова, и *университетские знания*. Благодаря знакомству с *творчеством древнегреческих и древнеримских авторов* Марло приобрел способность «использовать миф и античный сюжет для выражения <...> собственных поэтических переживаний» [5, с. 7], проявившуюся, более других, в поэме «Геро и Леандр» и трагедии «Дидона, царица Карфагена». В числе античных авторов, одаривших Марло сюжетами, мотивами, образами, афоризмами А.Т. Парфенов называл Музея, Сенеку, Вергилия, Овидия, Лукана, Теренция, Аристотеля, Плиния, Еврипида, Катулла [7, с. 33]. Не менее существенным для Марло стало познание *риторики*, которая впоследствии «легла в основу стиля речи персонажей его драм» [7, с. 31], в особенности, «Тамерлана Великого», где речь главного героя творит чудеса, являясь «образчиком риторической техники, почерпнутой из университетских учебников, из Цицерона и Эразма», а заключающая пьесу реплика Амира «представляет собой риторическую фигуру “эпанадос”, осложненную “апострофом” – вводной строкой, содержание которой раздельно развивается во второй и третьей строке, чтобы вновь соединиться в двух строках заключения» [7, с. 32].

Изучение глубин *теологии* способствовало не только хорошему знанию Священного писания, но и стремлению подвергнуть его пристальному научному анализу, и зарождению первых сомнений в его истинности, высказывавшихся при обсуждении богословских вопросов в «Тамерлане Великом», «Мальтийском еврее» и, в особенности, в «Трагической истории доктора Фауста». Трагедия «Тамерлан Великий», по наблюдению ученого, представила возможность «познакомиться с различными неортодоксальными взглядами и сопоставить их» [7, с. 60],

например, в рассуждениях царя Оркана о поражении вероломно нарушившего перемирие короля Сигизмунда как проявлении божественной справедливости ошутимо пантеистическое восприятие идеи бога, в ответе ему Газелла сквозят рационализм, вера в случай, но не в предопределение, да и в словах Тамерлана, отрицающего существование пророков, внезапно мелькает сомнение в существовании бога: «Ищите, воины, другого бога, / Того, что в небесах — коль там он есть» (ч. II, акт V, сцена I; перевод Е.Г. Полонской) [12, с. 199]. В «Трагической истории доктора Фауста» не только осуждается «жестокость» христианского учения, но и отрицается само физическое существование ада, определяемого в диалоге Фауста и Мефистофеля как состояние души конкретного человека [см.: 7, с. 61]. В позднейших трагедиях религия предстает у Марло орудием борьбы за власть, причем в одном ряду оказываются и христианство, и ислам, и иудаизм; о религии как прикрытии неблагоприятных деяний отчетливо говорит Варавва в «Мальтийском еврее»: «Зло оправдать хотите вы писаньем / И с проповедью грабите меня?» (акт I, перевод В.А. Рождественского) [13, с. 295].

Университет также приобщил Марло к «могучему и многообразному течению эпохи» — *гуманизму*, характеризовавшемуся формированием новой системы ценностей, включавшей в себя «идеал гармонической, физически и духовно совершенной личности; открытие для искусства красоты реального внешнего мира и сложного мира человеческих переживаний; интерес и доверие к точному знанию в противовес «потусторонней» направленности средневековой философии и ее схоластическому методу; <...> глубокое освоение различных сторон культуры античного мира» [5, с. 8]. Разделив с другими английскими драматургами интерес к сильной индивидуальности, исключительным положениям, эмоциональности речевых характеристик персонажей, титаническому представлению идеала, Марло, по наблюдению А.Т. Парфенова, развивал в своих пьесах «реалистические черты, тенденцию к многосторонности в изображении человека, к психологической мотивировке действий персонажей, конкретности языка», осознавая при этом глубину и неразрешимость противоречий в сознании человека раннего Возрождения [5, с. 10]. Университет дал Марло *уникальную начитанность*, отразившуюся во многих эпизодах его произведений, свидетельствовавших о знакомстве с платонизмом, учением стоиков, «гедонистическим эпикуреизмом Лоренцо Валлы», школой Петрарки, «Неистовым Роландом» Лудовико Ариосто, «Королевой фей» Эдмунда Спенсера, трудами Никколо Макиавелли [см.: 5, с. 10].

А.Т. Парфенов впервые *систематизировал сведения об источниках марловских трагедий и соотнес их тексты с имевшимися на тот момент*

представлениями, обосновав новаторство трактовок драматурга. Так, называя в числе источников «Тамерлана Великого» латинские трактаты Пьетро Перондини «Жизнь Тамерлана Великого, императора скифов», Баптисты Фрегосо «О достопамятных изречениях и деяниях», относящийся к 1576 г. английский перевод «Сборника различных наставлений» Педро Мехиа, «Турецкие хроники» Филиппа Лонитцера, французский трактат Поля Ива «Практика фортификации», XXVIII–XXIX песни «Неистового Роланда» Лудовико Ариосто, сочинения путешественника и историка Хетума Армянина, географический атлас Абрахама Вортельса, или Ортелия «Обозрение земного круга», А.Т. Парфенов признавал, что «несуразности, вымышленные города и области» [6, с. 615] в трагедии Марло не были плодом его фантазии, а соответствовали имевшемуся уровню географических знаний. Если в первой части трагедии драматург в целом следовал источникам (в т.ч. в описании низкого социального происхождения своего в действительности знатного героя), предложив лишь два заведомо вымышленных эпизода (завоевание Персии, смерть Баязида) и один откровенно вымышленный образ (Зенократа), то во второй части им допускались существенно большие вольности: в частности, эпизод битвы царя Анатолии Оркана с войсками христиан под предводительством короля Сигизмунда представлял собой контаминацию двух исторических эпизодов – битвы при Никополе (1396), являвшейся безуспешной попыткой венгерского короля Сигизмунда заставить Баязида I снять осаду Константинополя, и битвы при Варне (1444), в которой турецкий султан Мурад II разбил войска короля Польши и Венгрии Владислава III [см.: 6, с. 615–616]; во многом додуманной оказывается судьба сына Баязида I – Калапина [см.: 6, с. 616]. Почти во всех европейских хрониках (за исключением сочинения Пьетро Перондини) Тамерлан оказывался не одержимым жадной власти ужасным разрушителем, а образцом непобедимого государя, орудием божественного возмездия, что позволяло Марло в первой части трагедии «сделать образ Тамерлана отчасти рупором своих идей, возвеличить и идеализировать его характер, не оскорбляя этим морального чувства зрителей», а далее – во второй части – опираясь на мысль о «божьем биче», найти своеобразный ракурс для «трагического аспекта этого образа» [7, с. 94].

Говоря об источниках, ставших для Марло опорой при создании исторической хроники «Эдуард II», во многом отразившей рост интереса к отечественной истории в «последние, наиболее блестящие времена подъема» [7, с. 177] абсолютизма Тюдоров, А.Т. Парфенов не ограничивался традиционным упоминанием «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» Ральфа Холиншеда, отмечая два прочих заимствования – насмешливой

песенки шотландцев о поражении Эдуарда II в битве при Баннокберне из «Новых хроник Англии и Франции» Роберта Фабиана, сцены, в которой заключенный король бредет, используя воду из лужи, — из хроники Томаса де ла Мора [см.: 6, с. 645]. В целом Марло допускал существенные отступления от текста хроники Р.Холиншеда, вызванные, прежде всего, имевшем целью придание действию динамичности и драматического единства *нарушением хронологии*: сближением по времени падения Геверстона и возвышения Спенсера Младшего, между которыми в реальности прошло около десяти лет; представлением об Эдуарде II как о пожилом царе, хотя последний и умер в возрасте сорока трех лет; изображением зрелого Эдуарда III (чей образ важен для идейного содержания пьесы), хотя тот родился лишь через пять месяцев после падения Геверстона [см.: 6, с. 645]. Также драматург отказался от изображения неудачных для Эдуарда II военных походов против шотландцев; противореча хроникам, он представил Мортимера Младшего противником короля с самого начала его царствования; также он ввел вымышленного персонажа Лайтборна (английская форма имени *Люцифер*), посланного Мортимером Младшим убить Эдуарда II, и т.п. Однако эти отступления все же в стратегическом плане не шли наперекор историческим реалиям, в соответствии с которыми закономерно «приземлялись», уменьшались в пропорциях и сами образы героев, и масштабы их помыслов и дел. По сути Марло концентрировал все действие вокруг борьбы между Мортимером Младшим и Эдуардом II, разбавляя его во многом не соответствовавшими хроникам материалами, утверждавшими непрерывную страсть короля к фаворитам. Все сказанное позволяет А.Т. Парфенову прийти к выводу, что «“Эдуард II” лишь отчасти является исторической хроникой; в гораздо большей мере это — трагедия» [7, с. 182–183], поскольку Марло обращался к историческим событиям лишь в той мере, в которой они позволяли раскрыть трагедию личности.

А.Т. Парфенов четко разделял драматургию Марло на два периода, относя к первому из них «Дидону, царицу Карфагена», «Тамерлана Великого» и «Трагическую историю доктора Фауста», а ко второму — все позднейшие пьесы. Отличительной чертой второго периода исследователь считал *стремление драматурга к преодолению противоречий гуманистического индивидуализма*, осуществлявшемуся сразу в нескольких направлениях. Первое из них было связано с *отказом от изображения подобных Тамерлану или Фаусту высоких ренессансных героев*, уходом «пафоса ренессансного героического начала» [7, с. 165], — отныне в центре внимания драматурга оказывались «могучие» злодеи (Варавва в «Мальтийском еврее», Мортимер Младший в «Эдуарде II», герцог Гиз в «Парижской

резне»), слабые извращенные характеры («Эдуард II»), а также абстрактно-героические персонажи, олицетворявшие государственническое начало (Эдуард III в «Эдуарде II», Генрих IV в «Парижской резне»). Сам выбор нового героя предполагал значительное ослабление романтического ренессансного пафоса, определенную прозаизацию стиля, замену свободной фантастики «реалистическим правдоподобием в изображении конфликтов и характеров», усиление конкретности художественного мышления, ослабление влияния средневековых традиций, усиление обличительно-сатирических мотивов, в отдельных случаях становившихся наравне с мотивами трагическими [см.: 7, с. 166].

Отдельное направление представляло обличение «макиавеллизма», интерпретировавшегося как проповедь аморализма в политике и жизни. Марло, вряд ли непосредственно знакомый с сочинениями Макиавелли, судивший о нем со слов его противников, представлял в своих пьесах «не Макиавелли, а распространенную в Англии карикатуру на него, “псевдо-Макиавелли”», приписывал ему суждения, никоим образом не соотносившиеся с его философской доктриной (в частности, мысли о религии как игрушке, о том, что нет греха, а есть лишь человеческая глупость, что сильные крепости важнее любых договоров и т.д.) [см.: 7, с. 38]. В силу этого «макиавеллисты» Марло — совершающий чудовищные поступки Варавва, Мортимер Младший, ненавистный всей протестантской Англии герцог Гиз — антигуманные личности, чей хищнический индивидуализм соотнесен либо с буржуазным стяжательством (Варавва), либо с феодально-аристократическим своекорыстием в политике (Мортимер Младший, герцог Гиз), причем с особой силой обличена низменность средств, используемых «макиавеллистами» для достижения своих целей [см.: 5, с. 31]. Однако, по наблюдению А.Т. Парфенова, и такие резко отрицательные герои, как Варавва, Мортимер Младший, герцог Гиз, наделены у Марло «долей темного обаяния» [5, с. 36].

Индивидуализм Вараввы, Мортимера Младшего, герцога Гиза принципиально чужд индивидуализму героев ранних пьес драматурга — Тамерлана и Фауста, но «именно он является реальной и грозной силой» [5, с. 31]. Герои-индивидуалисты с их концепцией, раскалывающей мир «на противоположные образы частного и государственного интересов», были «чудовищным злом» для ренессансного сознания, утверждавшего необходимость единства свободной личности и общества [см.: 7, с. 168]. Показывая в «Мальтийском еврее», что и личность (сам Варавва), и государство (в лице Фарнезе, грабящего Варавву без всяких на то законных оснований) прибегают к насилию при достижении своих целей, исповедуют «макиавеллистические» принципы, Марло концентрируется

на «разоблачении подлинной правды, изображении того, как распад связей между личностью и обществом (государством) искажает природу обоих и в конечном итоге ведет к гибели ренессансной личности» [7, с. 168]. Мир «Мальтийского еврея» от начала и до конца населен «макиавеллистами» – это и монах, который, узнав на исповеди тайну, шантажирует свою жертву, и слуга, шантажирующий своего хозяина. По мнению А.Т. Парфенова, действительность, представленная в «Мальтийском еврее» – это искусно «замаскированный» ад «Трагической истории доктора Фауста», «ад с ренессансной точки зрения» [7, с. 171].

Исследователь решительно не принимает попыток отдельных предшественников воспринять Марло в качестве последователя Н. Макиавелли, во многом обусловленных ориентацией на суждение Роберта Грина о Марло, предавшемся изучению зловредного «макиавелизма», а также невнимательным чтением «Мальтийского еврея», в прологе которого появляется сам Макиавелли, якобы пропагандирующий свои идеи. В реальности опосредованное влияние «макиавелизма» А.Т. Парфенов усматривал лишь в первой части «Тамерлана Великого», в суждениях о доблести как вершине славы, к которой необходимо стремиться несмотря ни на что [см.: 7, с. 37–38]. В последующих произведениях, крайне негативно представивших доктрину Макиавелли в том виде, как ее понял Марло, *сохранились лишь крайне отдаленные намеки на беспристрастие*, обусловленные гуманистической позицией драматурга: во-первых, «макиавеллистами» на деле оказывались те, кто категорически не принимал на словах учения Макиавелли; во-вторых, циничная мудрость Макиавелли сочеталась с обнажением «подноготной правды государственной и частной жизни»; в-третьих, «правда» Макиавелли во многом коррелировала с сомнениями самого Марло в теологических вопросах [см.: 7, с. 38].

В особое направление поисков вылилось стремление Марло к *созданию лишенных противоречий положительных образов*, к числу которых исследователь относил Авигею в «Мальтийском еврее», Кента и юного принца Эдуарда в «Эдуарде II», Рамуса в «Парижской резне», характеризовавшихся человечностью, благородством, естественностью и чистотой в помыслах, но, однако, пассивных, статичных, лишенных яркости. Еще одним направлением стало стремление Марло к *оценке сложных и противоречивых характеров конкретных людей в аспекте реальной общественной жизни, с учетом их отношения к обществу*: если народная оценка Фауста была передана посредством реплики Хора, то народная оценка Эдуарда II оказалась вложенной в уста эпизодического, но колоритного персонажа – косаря, вычлененного из безликой народной массы, чтобы выдать короля-беглеца преследователям. Наконец, произошло

изменение отношения Марло к религии: от сомнений, богословских споров и даже богоборчества он перешел к рациональному и скептическому осмыслению социальных аспектов веры, обличил ханжество христиан, прикрывающих грабеж евреев ссылкой на их «первородное проклятье», в «Мальтийском еврее», осмыслил религию в аспекте общественно-политических процессов в «Эдуарде II» и «Парижской резне».

Называя Марло смелым реформатором, даже революционером в искусстве, проявлявшим «жгучий интерес к передовым философским течениям, новейшим теориям и “опасным ересям”» [7, с. 3], А.Т. Парфенов указывал, что наиболее значительные произведения драматурга – «Тамерлан Великий» и «Трагическая история доктора Фауста» – были созданы в первый период его творчества. В этих произведениях, представивших открытый конфликт гуманистического идеала с феодальной идеологией и сословной моралью, «резкое отрицание религиозного авторитета, социальных и моральных запретов, сковывающих разум и волю личности», Марло, по мнению А.Т. Парфенова, осознал и внутренние противоречия идеала свободной личности, фактически оказавшись на грани *распада гуманистической идеологии*. В этом отношении он опередил всех своих современников, предвосхитив достижения литературы эпохи распада английского гуманизма. Ранние трагедии Марло стали, по наблюдению исследователя, источником многочисленных подражаний, в частности, из «Тамерлана Великого» были «взяты за образец стремительное и многоплановое действие, титанизм центрального образа, экзотичность обстановки, величавый декламационный стиль» [5, с. 39]. Образы Тамерлана и Фауста открывали не только колоссальные положительные возможности личности, но и ее огромные разрушительные силы – «перспективу ожесточения, одичания <...>, подавления <...> воли и свободы других людей», возможность начала «губительного конфликта человека с самим собой под непреодолимой тяжестью враждебных ему сил» [5, с. 40]. В этой связи для А.Т. Парфенова особенно существенна трансформация этих образов в европейской литературе новейшего времени, в которой Тамерлан стал воплощением движения истории, сверхличного начала, соотносимого лишь с могуществом и величием природы, но раскрывавшего при этом не столько пафос утверждения личности, сколько «зловещие черты насилия и самоистребления» [5, с. 40]; легенда о Фаусте символизировала сложные внутренние проблемы интеллигенции. В более поздних произведениях эволюция взглядов Марло шла в направлении, «близком к основному руслу развития английского демократического гуманизма» [5, с. 39], чаяниям массового зрителя народного театра.

Как видим, концепция А.Т. Парфенова была призвана убедительно доказать, что Кристофер Марло первым в елизаветинской драматургии провозгласил

гуманистические идеалы и их обреченность, соединил архаичные черты средневекового театра с кризисными ренессансными чертами; его реализм был обусловлен сочувствием к обездоленным, в результате чего гуманистическое мировоззрение получило бунтарский размах и трагическую окраску.

Список использованных источников и литературы

1. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Восприятие творчества Кристофера Марло в России на рубеже XIX–XX вв. (К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин, С.С. Розанов, В.К. Мюллер) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 3 (41). – С. 226–234.
2. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Густав Шпет о Кристофере Марло // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (15). – Т. 1. – С. 143–146.
3. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Кристофер Марло в творческом наследии И.А. Аксенова // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (15). – Т. 2. – С. 149–154.
4. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Осмысление творчества Кристофера Марло в литературоведческих и искусствоведческих трудах А.А. Аникста // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 359–362.
5. Парфенов А.Т. Кристофер Марло // Марло К. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 3–40.
6. Парфенов А.Т. Комментарии // Марло К. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 615–661.
7. Парфенов А.Т. Кристофер Марло. – М.: Худ. лит., 1964. – 224 с.
8. Парфенов А.Т. Трагедии Кристофера Марло : автореферат дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1965. – 15 с.
9. Парфенов А.Т. Марло, Шекспир, Джонсон как современники // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 88–96.
10. Парфенов А.Т. Легенда о Фаусте и гуманисты Северного Возрождения // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – Л.: Наука, 1981. – С. 163–170.
11. Парфенов А.Т. Бен Джонсон и его комедия «Вольпоне». – М.: Высшая школа, 1982. – 112 с.
12. Марло К. Тамерлан Великий. Часть II / Перевод Е.Г. Полонской // Марло К. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 127–210.
13. Марло К. Мальтийский еврей / Перевод В.А. Рождественского // Марло К. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 279–388.

«A SONNET IS A MOMENT'S MONUMENT...»

Сонет Данте Габриэля Россетти
глазами молодых переводчиков

* * *

Сонет — чудесный памятник мгновенью;
Спасённый вдохновением души
Умерший миг, родившийся в тиши;
И в бурях, неподвластных тленью,
Достойный и хулы, и умиленья.
В нём чёрный свет египетских ночей,
И радужная солнечность лучей,
И спор извечный света с тенью.

Сонет — монета, на аверсе которой
Есть авторский портрет,
На реверс же взгляните:
Там жизнь, что кончилась так скоро,
Там брачный выкуп за любовь высокой свите,
Там и Харону дан обол потертый
Как плата за провоз до царства мертвых.

Перевод Александры Васильевой

* * *

Достоинство поэта пера
Живёт в веках, как негасимость душ,
И к вечной мудрости тот слог ведущ
Чрез тернии рассудка миража.
Воздвигнет время обелиск ему,
Сонету томной синевы ночной,
Что жёмчуга сияющей звездой
Восходит в сердце, плава полутьму.

Сонет мой – дань Харону и судьбе,
Что, стоя в ряд у пристани мольбы,
Едва протянут молча руку в ад.
Другую – хрупкою издалека –
Собрав все пальцы в патрицу крюка,
Монету власти слова сотворят.

Перевод Анны Войтик

* * *

Сонет – мгновенью вечный монумент,
Души нетленной память на века:
И в смертный час она сияет свысока.
Очистит иль возьмёт в греховный плен,
Он бел, как кость, иль чёрен, словно смоль, –
Как в жизни может править День иль Ночь;
И навсегда венец его зажжён.

Сонет – монета: сторона одна
Её – Душа, другая – Сила, что
Его питает: жизненный поток
Возносит, иль Любви святой вина́
Подносит, иль на мрачном берегу –
Харону плата за Души судьбу.

Перевод Дарьи Демиденко

* * *

Сонет есть мгновенье, застывшее в слове навеки,
Святой монумент, восходящий к истокам души,
Бессмертия час для ушедших. Сомненья – гроши.
Зловещим знаменьем предстанет, молитвой иль негой –
Всегда полнотою манит он, обилием неким.
Коль светом напоен иль тьмою объят, не тужи:
То Нюкта господство принять от Гемеры спешит.
Ручьи его вмиг претворятся в жемчужные реки.

Сонет есть зеркало души,
В нем каждый видит смысл свой:

Одним он призван век служить,
Других умыл любви волной,
А третьи, Смерти дань собрав,
Сонетом платят, жизнь свою отдав.

Перевод Екатерины Жевняк

* * *

В сонете памятник мгновения
Утаён: тот миг, что близок вечности
И смерти, дарует власть беспечности
И пылкое души благоговение.
Узрите же его предназначение,
Что высечено из слоновой кости
Или эбеновой окаменелой трости,
И жемчуга искристого свечение.

Сонет — монета, что раскроет душу,
Покажет власть, могущество, что скрыты
Тому, кто преисподней вечно служит,
Поведает всё о приданом высшей свиты
Её любви, и в темноте с пустым дыханием
Осуществится смертной дани изыскание.

Перевод Анастасии Кишнякиной

* * *

Сонет — это памятник чудных мгновений,
Он хроникой вечности спит в душах наших,
Во что обернётся наш мир в час угасший.
Он тонет в молитвах и страшных знаменьях,
И полон он мыслей и разных суждений,
Чист костью слоновой во мраке эбена,
Венчает короной владык он вселенной
И гребнем жемчужным в знак благословенья.

Монета — сонет: в ней души светлый лик,
А на обороте ее вы прочтёте:
Он дар ли, что августом веет в полёте,

Он дар ли любви, к нам пришедший на миг,
И в звездную ночь у заставы прощальной
Он плата Харону и Смерти печальной.

Перевод Николь Ленгардт

* * *

Сонет – надгробье мига и души
Бессмертной, обращённой в вечность.
Он монумент в честь достижения вершин
В обрядах жертвенных и ликах, чья беспечность –
Лишь будущего зеркало. Слова –
Как день и ночь, эбен и перламутры...
Рассудит время, отчеканит свой вердикт молва:
На аверсе – сонет с посланьем мудрым.
Подбрось монету! Стороны – судьба.
Там радость, что без Зла не существует,
И наслажденье властью, и царственность раба,
Любовь и жизнь трепещут и ликуют.
Монету вкладываем мы в Господню длань –
Харон-бессребреник отнимет эту дань.

Перевод Ильи Малиновского

* * *

Сонет – как памятник ушедшему мгновенью:
Умерший час душою сохранен
Он – шаг в бессмертие, он – путь, что обречен
На зло, молитвы, но не на забвенье!
В нем много мыслей противоречивых,
В нём день и ночь, в нём тьмы и света смена:
Слоновой кости блеск и темнота эбена,
Портрет души: то брэнной, то счастливой...

Оценит время стороны монеты,
Как видим глубину мы в гребнях волн.
Так путь истерзанной души в сонете

Обилием контрастов полон.
Налог за жизнь, любовь, Харону плата
И подаянье неизбежному закату.

Перевод Сергея Мисюрина

* * *

Сонет — это как память о мгновеньях,
Воспоминания о вечном наших Душ
До часа смерти. Пускай же
В чередѣ обрядов и знамений
Родится он и в страсти, и в борьбе,
Как день и ночь, как тень и пламя,
И только время нам укажет
Манящий сердце ориентир.

Сонет — монета, обнажающая душу,
Несущая в себе и к жизни страсть,
И высоту любви бессмертной,
Дарящую над смертью власть.

И в темноте пещерных сводов
Оплату Смерти в длань Харона.

Перевод Кристины Муравьевой

* * *

Сонет — мгновенья памятник нетленный,
Дарует мне бессмертие души.
И мой читатель требует: «Пиши
О вечности! И станешь незабвенным!
Пока в твоих стихах течет живая мысль,
Оправь слоновой костью и эбеном,
То, что в веках останется бесценным».

Сонет с монетой хочется сравнить:
На реверсе душа поэта очутилась.
На аверсе начертано: «Палач, казнить!»
И голова по плахе покати́лась.

Харон плывет с той стороны на эту,
Чтобы забрать монету у поэта.

Перевод Айданы Осконбаевой

* * *

Сонет есть памятник мгновенья,
Спасен душою от забвенья
Умерший час во тьме времен,
Обильем мысли напоен.
Но нет в молитве места тлену,
Души высокую арену
Венчай, и молоты веков
Корон не тронут жемчугов.

Сонет – монета с тонкою чеканкой,
Картина отпечатанной души,
С суровой, величавою осанкой
И гимнами, умолкшими в тиши.
Налог на смерть он, собранный Хароном,
У пристани, под темным небосклоном.

Перевод Ильи Пильского

* * *

Сонет – случайный всплеск души,
Заполнивший лишь бытия мгновенье.
Он может жизнь встречать и провожать её
Иль освещать ее течение.
Возникнув раз, он остается навсегда,
Сияньем жемчуга нам озарив сознание.
Он в полноте своей вдруг обретает плоть,
И сам становится частицей мироздания.
Сонет – монета,
Две стороны которой обращены к душе.
Ей силу может дать одна
И стать её опорой.
Другая может безвозвратно
Её разрушить многократно.

И в день последний, когда он состоится,
Душа от плоти отделится.
Влекомая печальным перезвоном,
Помчит она навстречу мрачному Харону.
А вот и лодочник.
Он ждет меня давно и злится.
Но вот беда: мне нечем расплатиться.
Так что же делать? Мой сонет!
Я предложу ему сонет!
Быть может, он и согласится.

*Перевод Гюнай Раджаби
(Республика Туркменистан, г. Ашгабат)*

* * *

Сонет – великий памятник мгновенью,
Когда душа спасла от тлена час.
Смотри: обряд печальный возле нас,
Но все ж предвестник он благоговенья.
Ты высекай в порыве вдохновенья
На зеркале слоновой кости стих.
И пусть получит время в тот же миг
Венцом жемчужных мыслей наслажденье.

Сонет – монета. А «орел» – душа.
Задать прямой вопрос в ее же власти:
И как бы ни была жизнь хороша,
Не он ли плата за любовь и счастье?
И эта дань заплачена Хароном
У пристани, под темным небосклоном.

Перевод Вероники Самойловой

* * *

Стихотворение как памятник секундам,
Ушедшим из моей судьбы.
Огромен, тверд и мглой окутан,
Вкушает с тщанием мольбы.

Мемориал Бессмертия Души
Поставлен в память мертвым будням.
Он простоит, несокрушим,
В ночь отпуская блеск жемчужин.

Сквозь призму нескольких веков
Творение поэта судят,
Но зришь лишь то, к чему готов,
Глухого толки не разбудят.

И остается главная мечта поэта,
Воздвигшего во тьме Сонет:
Чтобы он стал в руке монетой
Харону, гасящему свет.

Перевод Лады Стремлиной

* * *

Сонет – мгновенью монумент,
Послание Души нетленной
Моменту неизбежной вечной смерти.
Что он? Площадка ль страшного ночного ритуала,
Свет алтаря, к которому душа воззвала?
Его оденьте в мрамор белый или черный,
Как День. Как Ночь. И пусть увидит Время
Роскошный блеск его короны непокорной.

Сонет – монета ценная, на аверсе – Душа.
На реверсе – цена, что платим не спеша
За радость Жизни, за Любовь и вдохновенье;
Или цена последнего мгновенья –
Тот самый последний и страшный причал,
Где ночью Харону монету отдал.

Перевод Дмитрия Тельпиза

ШКОЛЬНИКИ ПЕРЕВОДЯТ ДУГЛАСА МЕЙЛОКА

В.В. Мушкова

С 29 сентября по 29 ноября 2017 г. кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета проводился конкурс перевода поэтического текста с английского языка на русский среди школьников. Для перевода учащимся старших классов было предложено стихотворение Дугласа Мейлока «Be the Best of Whatever You Are». Произведение вызвало широкий отклик среди ребят. На конкурс поступило более ста работ учащихся школ Пензенской области. Предлагаем вашему вниманию лучшие переводы.

СДЕЛАЙ ТАК, ЧТОБЫ ВСЕ ВОСТОРГАЛИСЬ...

Если ты не сосна на вершине холма,
Так будь же кусточком в цветущей долине,
Расти, распускаясь у всех на глазах,
И будь лучшим из всех, кого взгляд мой окинет.

Но если не можешь быть просто кустом,
Так будь же травой под ивою,
Даже, быть может, на месте пустом,
Украшишь вершину красивую.

А если не будешь прекрасною рыбой,
То окупёшь хищным попробуй ты стать,
Ведь каждый для жизни свой делает выбор,
И каждый решает, как ему поступать.

И пусть не встаёшь за штурвал корабля,
Мы только командой идём,
У каждого цель, и конечно, своя,
И это на ноги подъём.

А главное сделать, что ближе всего,
Ведь много ещё предстоит,
И тут обитает счастье твоё,
Оно лишь смиренно сидит.

Будь поездом, если не будешь дорогой,
Который быстро уносится вдаль,
Но если не будешь ты солнцем особым,
Так будь же звездой и сияй, как хрусталь.

Неважно, что ты победишь, проиграешь,
Или падёшь крепостным простаком,
Ты сделай, что можешь, чтоб все восторгались,
Никто и не вспомнит о чине твоём.

Перевод Д. Сашкина

ОСТАВАЙТЕСЬ СОБОЙ

Не можешь быть на вершине Холма?
Будь у его подножья. Но так –
Чтоб ни одна волна, ни одно бездорожье
Не сломило тебя.

Не удержался и там?
Стань травой на длинных дорогах.
Не хищник?
Будь по велению Бога
Мелкой рыбешкой.
Но самой живой из живых.

Все мы не можем быть у руля,
Но ведь что-то нас всех собрало
На борту этого корабля.
Храните это бережно в своем сердце,
Раскройте чудную близости дверцу.

Это большая работа.
Вы не шоссе? Будьте дорогой.
Не солнце? Будьте звездой.
На это уйдёт времени много,
Но оставайтесь собой!

Вы – не размер своих достижений.
Вы – это Вы. Искренность –
Высший Ваш гений.

Перевод Е. Воронцовой

БУДЬ ЛУЧШИМ, КТО БЫ ТЫ НЕ БЫЛ

Не рожден коли быть на вершине холма
Самой длинной и стройной сосною,
Будь кустом же пушистым в низине и там
Радуй всех ты своей красотой.

Ну а если не смог быть цветущим кустом,
Просто стань свежей, мягкой травой,
Расстелившейся бархатным, нежным ковром,
Всем даря ощущение покоя.

Коль не можешь ты быть магистралью большой,
Где всегда происходит движенье,
Значит, узенькой будь ты тропинкой лесной,
Всем заблудшим даруя спасенье.

Коль не можешь быть Солнцем, другой будь звездой,
Освещай всем ночные просторы.
Стань же целью для всех одержимых волной,
Чтоб дорогу нашли мореходы.

Не родился сазаном, так будь же снетком,
Что так ярко весь свет отражает.
И неважно, коль будешь обычным мальком,
Будь ты тем, кто красой поражает.

Все не могут стоять во главе корабля,
Чтоб водить его в буйные воды,
Но ты можешь закинуть на дно якоря,
Всех спасти от стихийной невзгоды.

Не победы нас делают тем, кто есть мы,
Пораженья не делают тоже.
Но уметь обнажать глубины души,
Быть собою — вот что дороже...

Перевод Е. Оглоблиной

БУДЬ ЛУЧШИМ, КТО БЫ ТЫ НЕ БЫЛ

Коль не быть тебе деревом вершины пологого склона;
Стань кустом ты в долине, но главное стань;
Лучше зарослью будь, ломающей ребра облома;
На обиды свои ты с презрением глянь.

Если не создан кустом, будь травой;
Осчастливь же дороги своею зеленой каймой;
Не дано быть свирепой акулой? Будь рыбкой;
Поднимай настроение другим рыбам улыбкой.

И не каждый для лидерства был сотворен;
Кто-то должен работать в команде;
Человек, прими то, чем же ты одарен;
Если дар твой, конечно же, найден.

Не судьба быть дорогой, ведущей к дворцу?
Будь заросшей тропинкой в дремучем лесу.
Невозможно, так ярко, как Солнце пылать?
Сможешь звездочкой странникам путь освещать.

И неважно то, сколько вам лет
И число поражений с победами
Будьте теми, кем вы еще не были
Будьте лучше, чем есть вы на данный момент.

Перевод Я. Колдашовой

* * *

Если сосна на вершине холма
Не имеет к тебе отношения,
То будь лучшим кустом,
Что в долине растет,
В роднике отражаясь цветением.

Освети себе путь, молодой став травой,
И открой для себя горизонты.
Ты пойми, что для счастья
Нужно быть лишь собой,
Перестать одеваться в иголки.

И не всем нам дано капитанами быть,
Но победа в жизни не главное:
Только рядом с командой мы можем достичь
Все высоты судьбою данные.

Если солнца сияние от тебя далеко,
Обрати на созвездия внимание.
По размеру судить порой очень легко,
Но не это твое достояние.

Только ты выбираешь как тебе жить —
Быть большим или малым созданием.
И каждый из нас должен решить:
Лучшим быть или застыть изваянием.

Перевод А. Лушниковой

ПРОСТО БУДЬ...

Если деревом не можешь ты быть на вершине,
Если должность сия для тебя велика,
Не печалься, будь розовым кустом в низине,
Просто будь, твоя роль будет здесь высока.

Розой быть ты не можешь, тогда будь травинкой,
Что трепещет так нежно в дремучей глуши,
Быть не можешь акулой, а ты будь дельфином,
Что матросов спасают в бездонной тиши.

Капитаном быть редко нам в жизни дано,
Но в команде быть значимым всем суждено,
Если ты не профан, свято веришь в успех,
Результат налицо — ты опять лучше всех!

Если ты не дорога, будь тропкой лесной,
Ты не солнце? Так будь самой яркой звездой.
И неважно, к кому повернулась удача,
Каждый шаг на пути твоём так многозначен!

Перевод Т. Абашкиной

БУДЬ САМИМ СОБОЙ

Быть не можешь горой, стань вершиной холма
И цветы, словно дикий кустарник в долине...
Если сил переплыть нет мятежное море, ты
Струись, как речушка в цветочной ложине!

Пусть не каждому жизнь дает роль капитана,
Но обязаны мы одну правду познать:
Что безмерную силу рождает команда,
И так важно нам, людям, бок о бок стоять!

Коль горячим сияньем тебя озарило,
Ты искрись, как росинка на алой заре,
И пускай не подвластна природы стихия
Ты лети вслед за ветром навстречу мечте!

И у каждого в мире всегда есть призванье,
Просто ты будь собой, слушай сердце свое,
И тогда ты познаешь души трепетанье,
Когда ты осознаешь в чем счастье твое!

Перевод А. Кудряшовой

БУДЬ ЛУЧШИМ, КЕМ БЫ ТЫ НИ БЫЛ (ПО ДУГЛАСУ МЕЙЛОХУ)

Не каждый сосной может быть на вершине,
Кому-то не хватит на это пути,
Пусть будет он только кустарник в долине,
Но будет красиво цвести.

Стремиться к вершине, конечно же, надо,
И крепким, как дерево быть,
Но если сейчас все не так —
Не досада, и кустики могут любить.

Не сможешь кустом стать, так стань же травинкой,
Не важно, как имя твое!
Люби эту жизнь, как свою половинку,
Нет в мире дороже нее.

Живя в водоеме, не можешь быть щукой,
И это не страшно совсем.
Ты можешь быть окунем шустрым, неглупым,
Жить счастливо и без проблем.

Не всем суждено в жизни быть капитаном,
Но каждый из нас — это клад,
И важно всем в жизни нам помнить о главном:
Какой ты в работу внес вклад.

Захочешь и станешь огромной дорогой,
Но счастье не в этом совсем.
Кому-то масштабы даются с тревогой,
А это ведь нужно не всем.

Порой быть тропинкой надежней и проще,
Чем шумной дорогой в пыли,
Но суть не в размере, а в той дивной роше,
К которой пути привели.

Стремишься быть солнцем — и это похвально,
Коль людям ты хочешь светить.
Но темною ночью — звезда актуальней,
Кому-то звездой нужно быть.

* * *

Живи легко и от души, как будто ты играешь,
Но победить всех не спеши — лишь время потеряешь.
Всегда на помощь приходи отчаявшимся душам,
Но что б не делал в жизни ты, стремись быть только лучшим.

Перевод Д. Моревой

БУДЬ ЛУЧШИМ В ТОМ, ЧТО ТЫ УМЕЕШЬ

Великих гор незримые вершины
Покорять не каждому дарован шанс.
В лучах блестящих предаваться изобилию
Талантов гения, нам вверенных подчас.

Несбыточным, лазурным сновиденьем
Желание быть лучшим кажется порою.
Но не спеши разжигать огонь сомнений,
Помни: природа расцветает лишь весной.

Ведь не каждый уготован судьбою,
Быть капитаном своего корабля,
Мы – экипаж, что его станет душою,
Что будет грозные покорять с ним моря.

Не можешь быть солнцем, будь яркой звездой,
Лучшим в том, что умеешь делать успешно.
Призвание – сокровище, что свыше дано нам,
А сам путь делает многих счастливей, поверь мне.

Перевод А. Панчуговой

СТАНЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ТЫ ЕСТЬ

Не возвысившись сосной на горной вершине,
Будь цветущим кустарником в зеленой долине.
Стань бегущей лозой на речном берегу,
Если деревом быть не удастся тебе.

Стань травой, обвивающей чью-то тропинку,
Если стать вдруг кустом не удастся попытка.
Ты не сможешь быть лучшим всегда и везде.
Главное, чувствуй себя словно рыба в воде.

Быть капитаном корабля – такая участь уготована не каждому,
Но быть частью экипажа – тоже не менее важно.
Каждое твое усилие – уже великий труд.
Стань ближе к цели – возьми в свои руки эту игру.

Не по силам большая дорога – выбирай лесную тропу.
Не можешь дотянуться до солнца – борись за свою звезду.
Не имеет значения сколько было удач и поражений,
Ты все равно совершишь победу над самим собой, путем своих свершений.

Перевод А. Кургузовой

БУДЬ ЛУЧШИМ

Если не можешь быть многолетней сосной и на вершине холма
расти,

Стань кустарником ягод в самой глубокой впадине леса.

Черпай силы с ручья, наслаждайся, живи,

Знай, что ты — главный герой, пусть и маленькой пьесы.

Коль не дано тебе черпать силы с ручья, быть кустом дикой
малинки,

А растёшь ты на пастушьей тропе совсем неприметной

травинкой;

Коль рождён ты не щукой речной, а карасём размером с чайнику,

Делаем добро, помогай всем вокруг, не будь бесполезной

песчинкой.

Если каждый матрос решит стать капитаном и у штурвала

стоять,

То из кого же будет состоять экипаж, помогающий покорять

моря?

Очень важно найти своё место в чаще лесной или на корме

корабля,

Ведь кто-то ни разу не был на море, но раз в год кто-то слышит:

«По курсу земля!»

Если широким всемирно известным шоссе по велению судьбы ты
не можешь быть,

Стань извилистой лесною тропой.

Будь лучшим; про то, что ты мал, ты обязан забыть.

Коль не рождён ты горячим солнцем, будь самой яркой

путеводной звездой.

Перевод Е. Телегиной

СТАРАЙСЯ БЫТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ТЫ ЕСТЬ

Не грусти, если не ты на вершине горы,

У подножия тоже поросль.

Не привязаны к месту бесценные эти дары,

Только чаще ветер с растениями порознь.

Не можешь быть стройной, великой сосной?
Будь прекрасным и пышным, кусточком.
Выбор твой, он всегда за тобой,
Ты не станешь секвойей, оставаясь вечным росточком.

И не думай, что ты не крупней молчаливой плотвы,
Но ведь хищными рыбами не каждый быть может.
И не стоит зависеть от мнения глупой молвы,
Ведь надежда на них тебе не поможет.

По хорошим дорогам нам легче идти,
Чем в горах протаптывать сеть.
Но не стоит искать очень лёгкие в жизни пути.
И старайся быть лучше, чем ты есть.

Перевод Е. Коньшиной

БЫТЬ ЛУЧШИМ

Не можешь сосной в высоту заглянуть —
Ты мелким кусточком во впадине будь,
И будь же ты всех у ручья зеленее!
Запомни: важны и кусты, и деревья.

Не можешь кустом — так травой расстелись
И сделай для тропки счастливее жизнь.
Стань окунем, если стать щукой не можешь,
Ведь прыткие окуни ценятся тоже.

Не каждый из нас будет здесь капитан —
Нужна и команда: путь каждому дан!
Поверь, на борту нет ненужной работы:
Задача ведь ищет тебя, не кого-то.

Не можешь тропой быть — дай путнику след.
Не можешь как солнце — зажги звёздный свет!
Не так уж и важно: попал или выбыл.
Старайся быть лучшим, друг, кем бы ты ни был!

Перевод А. Флягиной

БУДЬ ЛУЧШИМ!

Не дано быть сосной на вершине холма,
Лучшим деревцем стань же ты подле ручья.
Не получится деревцем, знай, не беда.
Лучшим кустиком стань же ты смело тогда.

Не получится кустиком, стань же травой,
Осчастливь все луга ты своей красотой.
Не получится щукой, так окунем стань,
Пусть любят все на озёрную лань.

Не всем капитанами быть суждено,
Командой сплоченною стать хорошо.
Ведь в жизни работа найдется всегда,
Так делай ее, не ленись никогда.

Не дано быть дорогой, стань узкой тропой.
Не можешь быть солнцем, стань яркой звездой,
И всё делай так, чтоб гордились тобой.
Ведь всё в твоих силах, стань лучшим собой.

Перевод В. Бубновой

БУДЬ СОБОЙ

Не можешь сосной быть на вершине холма,
Будь в долине цветущей сиренью,
Что растет у ручья, чуть листочком шума,
Под деревьев широкою сенью.

Не можешь сиренью, будь травы островком,
Что пустое шоссе оживит;
А не можешь быть щукой, так будь окуньком, —
Что от рыбы любой убежит!

У каждого в мире место своё,
И для каждого дело тут есть,
Осталось немного, оставим нитьё,
Вот задача твоя, прямо здесь.

Не важно, кто есть ты, и кто ты такой,
Не можешь шоссе быть, будь просто тропинкой,
Не можешь быть солнцем, будь просто звездой;
Будь собой, но с ярчайшей искринкой!

Перевод С. Юрковой

БУДЬ ЛУЧШИМ, КЕМ БЫ ТЫ НЕ БЫЛ

Если не даны тебе верхние ступеньки,
То будь на малой, но двигайся вперёд!
Не важно, где ты: в мегаполисе иль деревеньке,
Совершенствуйся! Кто сильнее – везде пройдёт!

Не важно, какой ты – молодой или старый,
Не важно, кто ты – сотрудник или босс.
Ведь даже труд незаметный и малый
Так много нужных вещей нам принёс!

Ты можешь быть дворником, столяром,
Ты можешь быть начальником компаний.
Но всем нам становиться лучше надо!
Прикладывать к профессии максимум стараний!

Мы все проигрываем и побеждаем,
Имеем разный статус, разные места...
Но совершенство никому не помешает,
И надо лучше становиться нам всегда!

Перевод Ю. Исаевой

Анастасия Крушинская

РАССКАЗЫ

ЕЖИНАЯ НОРА

В одном из самых тихих селений, какое только существует на затылках больших городов, в обветшалом доме жила, на первый взгляд, непримечательная семья. Но сквозь обыденный мрак слабой нитью света пробивался луч, теплившийся в душе Клары с тех пор, как только она смогла осознать всю прискорбность и угнетённость своего существования.

Клара была младшим ребёнком в семье, ей было четырнадцать. Её отец умер за три года до тех событий, которые я собираюсь описать. Он был посредственным человеком, с незапоминающейся внешностью и совершенно без талантов и способностей к чему-то. Он отражал в себе всю суть и всю трагедию семьи, которую так бездарно создал. Отец Клары всю жизнь зарабатывал, чем придется, потому что так и не смог найти себя в жизни, и от этого он делался злым. Когда он умер, Клара не почувствовала горя от потери близкого человека, ибо таковым отец ей никогда не был. Он жил отдельной жизнью и никогда не проявлял неподдельной заинтересованности к той маленькой и хрупкой жизни, текущей слабым ручьём параллельно с ним. Он часто бывал жутко пьян, и маленькая Клара слышала из своей комнатки отголоски брани и крики матери, а потом отец бил её, и Клара слышала глухой звук от удара тяжелого материнского тела об пол. Затем отец поднимался на второй этаж их дома и яростно стучал в двери комнаты девочки, предварительно запертые напуганной дочерью. Клара сидела тихо на своей кровати, поджав ноги и обвив их руками. Она опускала голову на колени, закрывала глаза и находила спасение и утешение в своём воображении, в кругу несуществующих людей и волшебных существ, но они ей были значительно ближе, чем реальные люди. Шум за дверью будто отдалялся, становился всё глуше, а потом стихал. Так Клара и засыпала, в объятиях верных своих стражей из несуществующего мира, всегда готовых её спасти.

Мать Клары была другого склада ума и характера чем отец. Она была ещё хуже отца, ибо в отличие от него, при наличии огромной зияющей черной дыры в её душе, она ни разу не усомнилась в правоте своих поступков. От этого она делалась деспотичной при каждой заведомо обреченной попытке усомниться в её мнении или пойти наперекор ему. Мать

девочки всегда была недовольна всем, что её окружало, недовольна самой жизнью, этим великим благом. Если бы эта женщина была немного добрее, то она смогла бы увидеть много прекрасного вокруг себя, но злоба ослепила её, лишила всех чувств. Она не имела никакого таланта, никакой особенности, была подчинена системе, в которой действовала строго и налажено, как винтик в огромной и сильной машине.

У Клары был единственный старший брат – самый близкий и любимый человек. Ему было двадцать восемь, он её любил и поддерживал, как умел. Он был из тех людей, которым хочется верить, за которыми хочется пойти, потому что такие люди как он всегда видятся свободными и лёгкими, как сама мечта. Кларе всегда казалось, что её брат не из их дома, что он вообще живёт где-то не в этом селении, что он лишь заглянул на полчаса и сейчас же вновь исчезнет, умчится в совершенно другой мир, что и случилось. Потому что другие люди и жить должны совсем в других мирах, подальше от людей обычных, чтобы они не мешали друг другу, не отравляли жизнь друг другу. Мать всегда строила мрачные догадки о жизни её сына, потому что всё у неё было мрачное, но Клара знала точно, что он счастлив. И это было не напускное игрушечное счастье, готовое сию же секунду развеяться от дуновения грусти, это было укоренившиеся, спокойное и нерушимое осознание себя счастливым человеком. И это было видно по жестам, по улыбке, по решительной походке, всё в нём выдавало человека редкого, ибо был он человеком, удовлетворённым жизнью.

Читатель уже понял, что жила девушка с матерью и старшим братом, я только добавлю, что жили они крайне бедно и с каждым днём страх перед нависшей над ними черной пастью нищеты усугублялся страхом Клары перед новыми изысканиями матери в её методах наказания за робкое и безобидное непослушание дочери. Женщина не брезговала и телесными наказаниями, считая их самыми «эффективными», что в сочетании с бранью, по её мнению, создавало наилучшую методику воспитания. Воспитание, которое, по мнению этой ограниченной женщины, должно было сделать из Клары достойного члена общества, уравнять её с обществом, сделать такой «как полагается». Основы в таких наказаниях не было: Клара не совершала безнравственных поступков, подчинялась любому требованию матери, никому не причиняла обиды или вреда, не была груба. С дочерью женщина была холодна, вела себя с Klarой как с прислугой и совершенно открыто считала свою дочь недалёкой и странной. Но когда родитель не уважает своё дитя, когда унижает его, это неизбежно отталкивает последнего, отгораживая ребёнка невидимой стеной от глупого родителя. Ведь уважение – это не тогда,

когда перед тобой склоняют голову, а тогда, когда тебя считают равным себе. И даже детям, а тем более повзрослевшим, хочется чувствовать, что их мнение принимают, что они значимы. И когда им этого не хватает, когда они чувствуют себя ненужными, они или закрываются в себе или начинают совершать разные глупости напоказ. Клара предпочла первый вариант, от природы она была очень мечтательна и мечтательность эта росла пропорционально небрежному и грубому отношению к ней. И, будучи уже девушкой, а не ребёнком, она продолжала настойчиво верить в чудо, в волшебство, в дивный мир, населённый и людьми и эльфами, и драконами, и другими фантастическими существами. И все они мирно сожительствовали в бескрайнем мире, называемом фантазией. Лишь в своём воображении Клара чувствовала себя защищённой, и этот мир служил ей убежищем, тайником, куда она прибегала каждый раз, когда чувствовала себя обиженной, и ей становилось спокойнее. В этом мире ей всегда были рады, её всегда ждали, тут она всегда оставалась ребёнком. Беда в том и была, что её, как и всякую хрупкую натуру, легко было ранить неосторожно оброненным словом. А ведь слова, как известно, ранят глубоко, и раны эти затягиваются очень тяжело, оставляя после себя грубые шрамы, как вечную память об обиде. Порой такие душевные раны вызывали слезы, и в такие минуты ощущение одиночества и собственной ненужности удваивалось.

Начало всему было положено зимой. Поля с одной стороны от дома и лес с другой спали под толстым и нетронутым слоем снега. Клара, по привычке, начала свой день со страха, что же ей сделать, чтобы мать снова не пришла в ярость и не обрушила на неё всю тяжесть своей злости. Девушка старалась угождать матери, но угодить человеку, недовольному своей судьбой, заведомо невозможно. И в тот самый момент, когда Клара думала об этом, в дверь их дома кто-то громко постучал. Юная девушка поспешила покинуть свою кровать и открыть дверь нежданному гостю. Она сбежала вниз по деревянной винтовой лестнице, подбежала к входной двери, открыла её и застыла в изумлении. Перед Klarой стояла высокая женщина средних лет, одетая в просторную шубу из стриженной норки. Сразу становилось ясно, что зимой этой даме хотелось чувствовать не только тепло, чтобы защититься от холодного ветра и низких температур, но выглядеть стильно и модно. Незнакомка была элегантной, от неё веяло строгостью и высокомерием. Она была частью того недосягаемого мира состоятельных людей, который был для Klary и её семьи скорее мифом чем реальностью. Пока Клара разглядывала гостью, а это длилось мгновение, из комнаты торопливо вышла мать и, незамедлительно натянув фальшивую улыбку, направилась в сторону двери.

Эта улыбка была не знаком искреннего приветствия, а была неосознанным и механическим движением уголков рта, которое означало подчинение бедности богатству. Всё происходящее дальше девушка наблюдала со стороны, ибо её не удостоили права быть участницей. Важную даму мать пригласила в дом, услужливо помогла снять шубу, усадила в кресло, и при этом гостья настолько выделялась из окружающего её интерьера, если его таковым можно назвать, что казалась нелепым пятном.

Мать дала жестом понять Кларе, что не хочет, чтобы она оставалась у них на глазах, и девушка была вынуждена уйти к себе в комнату. Там она закрыла за собой дверь, стала у окна, отодвинула рукой занавесь и оглянула заснеженные просторы. И этот белоснежный океан, окружающий её дом, пробуждал двойственное чувство: Кларе становилось и грустно, и в то же время любопытно. Что же скрывается за горизонтом, какая жизнь, что её ждало бы там? Девушка никогда не покидала пределы родного селения, граничащего с другими такими же почти безлюдными сёлами, пустошью пролежавшими на многие сотни километров. Здесь, в этих местах, даже жизнью не пахло, и казалось, что легко можно было сойти с ума. Клара закрыла глаза и оказалась, будто в безмолвном шторме, немо бушующем вокруг неё. Потом девушка снова подняла веки и всмотрелась вдаль: снежные поля, лес, и всё пребывало словно в коме. Так она ладила с тоской.

Через некоторое время Клара спустилась обратно, но гостьи уже не было, а мать собирала на поднос чайные приборы. Клара стояла в дверях и смотрела на это и почему-то её ещё больше охватывала тоска. Ей показалась, что именно эта картина, как мать небрежно и шумно убирает со стола, олицетворяет всю суть существования девушки в стенах её обветшалого дома. Эта бессмысленная картина, которой и не придашь значения, но в ней было именно то, о чем Клара никогда никому не говорила, но что всегда волновало её душу. Бессмысленность и бессодержательность жизни, вот то, что её беспокоило больше всего.

Прошло две недели. Всё это время брата Клары не было дома, и его внушительная независимость хранила в строгой секретности место его нахождения. Но все знали, что скоро он вернётся, так как бывало всегда. Однажды, когда Клара была ещё совсем ребёнком, она робко поинтересовалась у родного брата, кем он работает и куда уезжает так надолго. Тогда он, загадочно улыбаясь, ответил, что придёт время, и она обо всём узнает. Мать же пыталась выведать информацию нагло и со скандалом, в свойственной ей манере, но сын упорно продолжал молчать даже под материнским гнётом. Чем пуще она размахивала руками, чем громче и эмоциональнее говорила, тем больше он уходил в себя, словно закрываясь

невидимыми достижениями. И вот он снова отсутствовал длительное время, и сестра ждала возвращения брата, ибо видела в нём отчасти себя саму, она считала его родственной душой.

В одно раннее пасмурное утро Клара заметила, что мать суетливо готовится к чьему-то приходу. Видно было, что женщина нервничает, а это означало, что на карту поставлено какое-то ответственное дело, о котором Клара не догадывалась. Вскоре на пороге их дома снова стояла таинственная дама в шубе. Она загадочно улыбнулась Кларе, когда та вновь открыла перед ней дверь. На этот раз всё было иначе: девушку пригласили в гостиную. Она стояла посреди комнаты под пристальными взглядами двух немолодых женщин. Клара волновалась, ей было до того неловко под изучающими взглядами женщин, что она не знала куда деть руки, чтобы не было заметно, как они дрожат. Мать с холодной решимостью сказала:

— Ты уезжаешь в закрытую школу для девочек в сопровождении мадам Софи.

Услышав это, Клара подняла взгляд, до этого изучавший пол, и встревожено посмотрела на мадам Софи.

— Не волнуйся, Клара. Ты поедешь со мной и будешь в полной безопасности. А сейчас иди, собери свои вещи и возвращайся в полной готовности отправиться в путь.

Клара перевела взгляд на мать. *Неужели она вот так всё решила за меня?* Клара не могла сдвинуться с места, так она была шокирована новостью. *Так, значит, вот о чем они прошлый раз переговаривались.* Клара с огромным усилием совлала с собой и медленно вышла из гостиной. Когда она поднималась по лестнице к себе в комнату, то думала над тем, почему же мать всё от неё скрыла, почему не спросила, чего хочет она, Клара. Это же непростительно лишать человека его мнения. Боль комом стояла в горле, а обида от несправедливости разливалась гугчим теплом по всему телу, доходя до кончиков пальцев. Кларе потребовалось полчаса на то, чтобы собраться, ибо вещей у неё было немного. Когда она спустилась со своей небольшой дорожной сумкой, то гостя уже ждала её на пороге. Девушка подошла к матери, чтобы попрощаться, но не смогла и слова сказать. Она всё ещё была оглушена ударом, нанесённым ей: мать не позволила дочери быть участницей в собственной судьбе. За неё решили, и это решение не подлежало обжалованию или протесту, оно должно было быть немедленно выполнено.

Через пару минут девушка уже ехала по заснеженному полю в неизвестном направлении, в сопровождении неизвестного ей человека, а дом всё отдалялся, уходил в прошлое. Почти всю дорогу Клара и мадам Софи

ни о чем не разговаривали. Клара всё время смотрела в окно и была погружена в свои мысли. Вдруг после долгого молчания мадам Софи нарушила тишину:

– Я хочу немного рассказать тебе о том месте, куда мы едем.

Клара перевела взгляд на женщину, и та продолжила:

– Ты будешь учиться в школе для девочек, которая находится на территории древнего поместья под названием «Ежиная нора».

– Почему такое странное название? – перебила её девушка.

– На территории поместья всегда было много нор этих зверьков, с ними борются со времён основания школы. Вскоре ты сможешь своими глазами увидеть поместье, но чтобы тебе легче было освоиться, я расскажу некоторые правила. Девушки обучаются четыре года. За это время они постигают разные науки, которые не только пригодятся им в жизни, но и делают из них достойных членов общества. Здание школы трёхэтажное, и на каждом этаже обучаются девочки разных возрастных групп. Наш настоятель захотел, чтобы каждый этаж был независим, поэтому на твоём этаже будет всё, что необходимо и для обучения и для жизни: большая библиотека, спальни, ванные комнаты, столовые, так же как и на других этажах. Это сделано с целью безопасности и удобства.

– Я буду жить четыре года в школе?

– Да, теперь это твой дом, и ты скоро привыкнешь к нему. В свободное от учебы время девочки посещают церковь, занимаются верховой ездой и учатся готовить. Как ты понимаешь, «Ежиная нора» даёт своим ученицам все необходимые для жизни навыки. Девочки живут в комнатах по двое. Скоро ты познакомишься со своей новой соседкой.

Они приехали на территорию поместья поздним вечером, было уже темно, но огромное здание хорошо освещалось фонарями и светом, лившимся из окон, и Клара смогла его разглядеть, пока шла к высоким и массивным воротам. Это была очень старая постройка, стены которой местами покрылись глубокими трещинами. Территория, которую занимало поместье, была колоссальной и живописной. Кроме самого здания школы по бокам располагалось несколько небольших одноэтажных домов, как позже узнала Клара, это были дома преподавателей, госпиталь и церковь. Но мадам Софи торопила Клару пройти в помещение, кидая на неё нетерпеливый взгляд, и девушке не хватило времени, чтобы полностью оценить представшую перед ней постройку. В холле было светло, просторно и чисто. Высокие потолки, хрустальная люстра, пол выложен мраморными плитами, на стенах шикарные дубовые панели и огромные картины в изумительных позолоченных рамах. Всё было пышно, но не лишено уюта. Клара осматривалась, она была потрясена, ведь никогда

прежде не видела такой красоты. Теперь она здесь в своих лохмотьях выбивалась из окружающего интерьера точно так же, как и мадам Софи в своей роскошной шубе у неё дома. Женщина специально немного медлила, чтобы дать возможность вновь прибывшей девушке осмотреться и осознать, что она попала в совершенно другой мир. Но нельзя было с этим затягивать, ведь время было позднее, они ехали весь день и вечер, а теперь надо спешить поселиться в комнату, пока девочки не спят.

Мадам Софи провела Клару на второй этаж по широкой белой мраморной лестнице. Девушка ступала неуверенно, всё время смотря себе под ноги, будто боялась что-то поломать или разбить. Через минуту мадам Софи и Клара, пройдя по длинному коридору, стояли у дверей комнаты. Клара молчала и смотрела на даму, которая неожиданно появилась в её жизни и мгновенно всё в ней перевернула. *Кто эта женщина?* Мадам Софи, изобразив утешительный жест, похлопала Клару по плечу, как-то странно улыбнулась и поспешила уйти. Девушка проводила её недоумевающим взглядом, Клара была переполнена растерянностью и страхом. Она стояла прямо перед дверью в свою новую комнату, одна в пустом коридоре, сжимая в руках дорожную сумку. И только теперь Клара почувствовала, как усталость овладела ею, как утяжеляла веки, ибо день был мучительный — и от обиды на мать, и от длительной поездки, и от резкой перемены обстановки. И собрав остатки сил, Клара неуверенно постучала в дверь, ведущую в новый, неизведанный мир. Звук раздался эхом в коридоре, ей никто не открыл, и даже не было слышно шагов, тогда девушка тихо опустила дверную ручку вниз и вошла.

В средней по размеру комнате было светло, интерьер очень строгий, здесь и не пахло теми изысками и роскошью, что Клара видела в холе. Из мебели самое необходимое: две убранные кровати, комод, два письменных стола, зеркало во весь рост. В комнате никого не было, и Клара подумала, что кто-то забыл погасить свет перед уходом. Девушка подошла к одной из кроватей, поставила на неё сумку и сразу почувствовала облегчение. В это мгновение в комнату шумно вошла грузная девушка и сразу смерила Клару недовольным взглядом. Через этот взгляд выкатилось наружу, словно шар, всё напущенное и надменное самомнение этой девушки, такое же огромное, как и она сама. Тут Клара почувствовала, как ей стало мерзко только лишь видеть эту девицу, ей вдруг стало в ней всё противно: чрезмерная полнота, её круглое лицо и неухоженные волосы. Всё в ней отталкивало и всё говорило, нет, всё кричало, что она не может быть хорошим человеком. Первая ночь в «Ежиной норе» прошла тревожно, ибо Клара не могла долго заснуть от усталости и волнения, а позже зловещие сны, ненадолго овладев сознанием девушки, выкидывали

её в реальность, и беспокойство вновь рождалось где-то в груди. Наутро Клара вспомнила один из своих странных снов: она была в совершенно незнакомом ей месте, по улицам хаотично сновали люди, и она вдруг осознала, что потерялась. Она заблудилась в толпе и не знала, куда ей идти. Она спрашивала у прохожих дорогу, но они не отвечали, она ехала, но не в том направлении, она бежала против толпы, но всё время оказывалась на других, новых улицах, которые совсем не знала. Она хотела выбраться, но заблудившись основательно, поняла, что выхода нет, и на этом просыпалась. Клара не знала, как толковать этот сон, но интуитивно понимала, что заблудиться во сне могло означать и заблудиться в самой себе, и не знать какой же путь выбрать. Отчаянно она надеялась проснуться у себя дома и, открыв глаза рано утром, не могла поверить, что пути назад больше нет. И тогда она почувствовала себя бездомной.

Четыре года выпали из жизни Клары. Четыре года кто-то проживал жизнь за неё, это была не её жизнь. Весь первый год ушел на знакомство с новым местом жительства, на то, чтобы привыкнуть и освоиться, так как с детства Клара была не приучена к переменам, болезненно их воспринимала, вся её суть противилась любым переменам. После того как прошло полгода с момента её прибытия в это поместье, Клара попыталась от безысходности увидеть положительные стороны вынужденного переезда, она пыталась бороться с чувством глубокого несчастья, которое обрушилось на неё неожиданно как снежная лавина. Если другого выхода нет и если кто-то так распорядился её судьбой, то, может, стоит попытаться повернуть это в свою пользу. В школе было всё для того, чтобы добиться успеха в учебе, и прежде всего поражала своими размерами библиотека. И она стала прибежищем для Клары, местом отдыха, местом, куда она убегала от реальности, где хотела забыться. В библиотеке девушка хотела раствориться, это было единственным местом, куда хотелось возвращаться и откуда не хотелось уходить. Клара посвящала почти всё своё время чтению, она читала так много, как только может это делать человек. Тут она терялась во времени, тут для неё оно пролетало, и только тут она мечтала иметь власть над временем, чтобы можно было его остановить, когда захочется. Клара бережно брала в руки книгу, всматривалась в обложку, проводила рукой по корешку книги, открывала её, наслаждаясь шелестом страниц, наклонялась и вдыхала их запах, прикрыв от удовольствия глаза. Это был священный ритуал, и ничто не могло нарушить его торжественный и медленный ход, полный бережного трепета и любви. Дома у Клары почти не было книг, только в этой библиотеке она окунулась в омут познания. И с каждой прочитанной

книгой она на шаг отдалялась от людей. Позже она поняла, что теперь её и остальных разделяет непреодолимая пропасть.

Клара не осознавала, что с людьми нужно говорить только о том, что нужно им, говорить только так, как нужно им. Она не знала этого и не могла понять, как такое возможно. Она была как открытая книга, в ней не было загадки, не было подвоха; её мягкий, но необыкновенно пронизательный взгляд излучал дружелюбие и тепло, в нём отражались ясность мысли и мудрость, накопленная человечеством. Такой она попала в поместье, но ему было суждено изменить судьбу Клары. Она была будто птица с подстреленным крылом, но не терявшая веру в то, что вскоре она снова полетит. Она была одинокой птицей. Она была странной птицей. Клара была движима верой в добро, верой в волшебство, детской простотой, бесхитростностью, почти граничащей с простодушием. Она тогда не знала, что честность — это порок, что обществу присущи деланные улыбки и показные человеколюбие и порядочность. Только тут она узнала, что умение лгать — один из основных навыков современного цивилизованного человека, помогающих ему выживать и даже преуспеть в карьере. Уже два года, как она не могла ни с кем подружиться и была совершенно одна. Она и была своим единственным обществом, но зато это общество её понимало. В людях она не могла найти понимания, оттого и не могла подружиться со здешними девочками. Клара заметила, что они были просто злые, их хитрые и холодные взгляды будто кололи, говорили о готовности предать в любую минуту, на них нельзя было положиться, и им нельзя было верить. Тогда она поняла, что она одинока, но и тогда же она сказала себе, что одиночество не всегда плохо, «вместе» — не всегда хорошо. Бывало, она подолгу не могла заснуть после тяжелого дня в школе и смотрела в окно, на звёздное небо. В такие моменты Клара не раз задавала себе вопрос, для чего она родилась на свет, ведь она была убеждена в том, что человек не может просто прожить свою жизнь, промотать её и ничего не оставить после себя, ничем не запомниться другим людям, человек не может прожить жизнь впустую, словно его и не было, словно он и не родился никогда. Она смотрела на звёзды и думала о том, как же хочет взлететь к облакам, да только жаль, что крыльев нет. Девушка думала о том, сколько же ей ещё предстоит пройти дорог, сколько раз падать и снова подниматься с колен, прежде чем она найдёт себя и откроет тайну своего предназначения.

За годы жизни в школе Клара изменилась: из мечтательной она стала замкнутой. Это произошло не в одночасье, это сформировалось на протяжении четырёх самых долгих лет в жизни Клары. Психологическое давление одноклассников, выражавшееся в постоянных насмешках, бойкотах,

травле и откровенных издевательствах, искоренило в девушке всякую веру в добро и в человека как венца добра. Дети жестоки, а объединившись в группы и направив свое отрицательное отношение на жертву, могут нанести неисправимые психологические травмы объекту своих издевательствах, навсегда изменив человека. Обычный учебный день Клары состоял из череды унижений, превращаясь в катастрофу. Но жертва издевательствах не хотела подчиниться сильнейшей стороне. Клара не хотела мириться со своим положением загнанного зверя. В то же время она чувствовала себя загнанной в тупик. Что бы она не предпринимала, ей не удавалось выбраться из создавшейся ситуации. Если она искала помощи у взрослых — она была слабаком, если она избегала своих палачей — она была трусом, если она старалась найти с врагами контакт и искала компромисс — она была подхалимом. Клара жила в страхе, её день им начинался и им же завершался, а сон был окутан тревогой. Её будили ночные кошмары или подолгу не давали заснуть мучительные мысли о предстоящих испытаниях. Иногда Клара вспоминала такую простую истину, что её некому защитить, а она сама не знала, что предпринять и как себя вести, дабы не навредить себе при этом ещё больше. Так жизнь Клары превращалась в один сплошной компромисс! А она не понимала, как можно жить в угоду другим, забыв, кто есть ты. Она отличалась от всех остальных людей, и за это расплатилась сполна.

И вот однажды, на четвёртом году пребывания в стенах школы, холодным январским утром, Клара проснулась с мыслью, что за все годы она устала быть одной из других, и решила, что пришло время что-то менять. Всё это время её душа была обнажена, а объятия распахнуты. Когда-то она прочла в книге выражение кого-то из великих людей: «Чем шире у тебя объятия, тем проще тебя распятать», и это очень её тревожило. Эти годы Клара будто ждала того, что никогда не случится. Она ждала, что сможет обрести друзей, она хотела бы видеть в людях только искренность и честность, но неужели это в нашем мире никому не нужно? Ей вдруг вспомнилось всё, промелькнули в памяти последние события её жизни: сначала предательство матери. Её просто выставили из дому, отдали в цепкие руки неизвестного будущего, оставили одну, а ведь тогда она чувствовала себя беззащитной и опустошенной. Никто этого не мог понять, никого не было рядом, чтобы можно было поделиться, рассказать о своём горе, она так и не испытала это райское чувство, когда тебя обнимают, предлагая защиту и покой. Она хотела, чтобы кто-то просто крепко обнял её, вот и всё. Теперь заточение в этом поместье, где ты — это не ты, ибо тут Клара стала ощущать, что теряет свою индивидуальность. Она так устала быть одной из других, но, как не жаль, таковой

была реальность. Она вдруг ясно поняла, что жизнь её — один сплошной компромисс! Ведь она распрощалась со своими мечтами, её дни проходили без чудес, и тут она ещё острее стала чувствовать бессмысленность жизни.

За окном серело пасмурное утро. Клара подошла к окну, открыла его и вдохнула свежий холодный воздух. Всё вокруг было покрыто белоснежными сугробами, тянувшимися сотни километров, и казалось, что на всей земле сейчас зима и всё живое вымерло. Кругом было тихо, мир только пробуждался. И теперь перед ней стояли эти жуткие картины: её дни в школе, а в ушах звенел въедливый смех одноклассниц, пропитанный злобой и какой-то скрытой угрозой. Это угрожали не одноклассницы, это угрожала система в их лице. Система, будто разъярённый пёс, рвалась с цепи, рычала и пускала пар из раздувавшихся ноздрей. Когда все собрались для занятий, в класс вошла Клара, но она не села на своё привычное место, она встала перед классом и, выдержав паузу, обедая всех дрожащим взглядом, с отчаянно вырывающимся из груди сердцем сказала то, что все четыре года томилось в её душе:

— Что вы сделали с собой? Вы стоите над пропастью.

Девушки начали суетиться и перешептываться, Клара увидела их насмешливые улыбки и взгляды, полные презрения. Но, несмотря на это, она продолжила:

— Это не «Ежиная нора», нет. Это змеиная нора! Посмотрите на себя. Разве вы дружите? Разве это можно назвать дружбой? Многие из вас понимают, что нет, но уже не могут вести себя иначе. Всё в вас не настоящее. Вы носите маски, и их уже с вас не снять. За вашими улыбками скрывается предательство, а за радушием — насмешка! И всё это так укурилось в вас, что уже и не выведешь.

В это время в класс вошел преподаватель, но он так и застыл в дверях. Это была та самая мадам Софи. Когда она заметила Клару, она изумилась, но осталась стоять в дверях и внимательно слушала всё, что говорила девушка. Это был монолог отчаявшегося человека:

— Общество совершенно безошибочно определяет того, кто не похож на остальных. Вот он-то и будет его жертвой, и ему суждено идти тропой изгоя. Как не жаль, но это такая реальность. Я устала чувствовать себя бессильной. Я поняла, что почему-то обязана с вами говорить, пусть без малейшей надежды на понимание. Посмотрите на себя, вы всё время вместе, прикрываетесь друг другом, подражаете друг другу, вы неразлучны и в этом ваша... нет, не сила... ваша слабость! Чего вы стоите каждый отдельно? Вы не можете разделить с собой одиночество. По-вашему одиночество это скучно, нет, это не оно скучное, это вы скучные! Вы настолько пустые и неинтересные, что когда остаётесь наедине с собой,

не можете выдержать этого! Вы умираете от скуки, вам нужно общество, праздность, шумные разговоры, и всем этим вы заполняете бездонную пропасть в ваших скудных душонках. Да ведь это счастье, когда можно забиться и не поддержать ни о чем разговор! А что стало с вашими мечтами? Вы перестали мечтать и живёте так, будто никогда не умрёте, будто смерть — это то, что случается с другими. Вы все похожи друг на друга, вы как клоны, чьи-то копии, ваша индивидуальность стёрта страхом быть не таким как остальные. Но я благодарна вам. Четыре года назад я жила в мире иллюзий: я верила в дружбу, в честность, в преданность. Но в этих краях это наваждение развеялось, ведь я сполна отведала горечь реальности. Теперь я уже не пытаюсь взлететь до небес. Знаете ли вы, что такое предательство? Здесь я оказалась, потому что меня предал мой априори самый близкий человек, хотя с детства это было не так. Попав сюда, я задаю вопрос: отчего же среди вас я изгой? Что же получается: все вы плохие, а я одна против всех, одна хорошая среди всех плохих?

Тут Клара повернулась к преподавателю, по-прежнему стоявшему в дверях, и сказала, глядя на него отчаянно, как загнанный зверь:

— Это вы всегда учите, что не бывает так. Из таких, как они, — Клара указала на класс рукой, — вырастают потом такие взрослые, как вы, — и указала на преподавателя, — и учат, что не бывает так! А другие взрослые, которым довелось хлебнуть в жизни такой едкой горечи, молчат. Такой уж удел слабых — молчать и покорно нести свой крест. Существует распространенное мнение, что жертва всегда сама виновата в том, что над ней чинят насилие. Но многие дети и подростки становятся жертвами лишь потому, что были произвольно выбраны сильной стороной или же стали заложниками создавшейся не в их пользу ситуации. Сейчас я вспомнила всё: безнравственность подростков и равнодушие взрослых. — Клара уже обращалась ко всем присутствующим в классе. — А сейчас я думаю, что мне нечего уже бояться. На меня уже не раз напали и не раз били, и не раз преследовали, и не раз смеялись надо мной. Только запомните, главным вашим двигателем является страх: каждый из вас боится оказаться на моём месте. А я всегда боялась быть такой, как вы, и мой страх провоцировал вашу агрессию, ведь у толпы особый нюх на страх.

И в конце Клара бросила:

— Быть собой очень сложно, если жить в угоду обществу.

Глаза слушателей были широко открыты и смотрели на Клару с ужасом. Она смотрела на них, а они на нее, не произнося ни слова. Клара еще раз окинула всех взглядом, всматриваясь в каждое лицо, в глубине души надеясь на поддержку, но все молчали. Тогда она развернулась

и быстрым шагом вышла из класса. За ней выбежал преподаватель и в коридоре догнал девушку. Мадам Софи крепко схватила Клару под локоть и сказала, что пришло время навеститься к настоятелю. Испуг пронзил всё тело Клары, в ту же минуту она с силой оттолкнула женщину от себя и, вырвавшись из её цепких рук, убежала прочь.

Всю ночь вспыхивало яркое пламя. Клара никогда прежде не видела такого сильного огня. Она никогда не видела такого великолепия. Пламя пожирало школу и вместе с ней съедало без остатка прошлое Клары. Она стояла по колена в снегу на территории поместья и, не отрываясь, смотрела, как пламя уничтожает здание школы, как рушится крыша, как вокруг воцарился мрак и лишь огонь освещал всё вокруг. Крики заточенных и приговорённых ею к гибели жителей школы окончательно пригвоздили девушку к земле, она не могла пошевелиться, парализованная собственным поступком. Вдруг она заметила на самом верхнем этаже свет в окне и силуэт человека, спокойно стоявшего у окна, будто ничего не происходило. Клара долго вглядывалась в этого человека, пытаясь понять, кто он. И она всё же узнала его — это был её брат. Эта мысль была будто выстрел. И тут же волна новых мыслей накатила на девушку и накрыла её с головой, перехватив дыхание. Он стоял у окна, скрестив на груди руки, и улыбался. Он, в отличие от других, не предпринимал попытки спастись, так как понимал, что времени уже не осталось и что через минуту всё и для него закончится. Когда рассвело, криков уже не было слышно, всё стихло, а здание школы догорало под слабым, спокойным и ровным пламенем. Клара всё еще была на территории поместья. Она не покидала его до последней минуты, до тех пор, пока огонь совсем не погас, а дым не рассеялся. Запах здесь стоял ужасный, но она его не чувствовала, она также не чувствовала ни вины, ни раскаяния за преступление. Было уже совсем светло, когда Клара будто очнулась от ночного кошмара. Несмотря на то, что на улице был сильный мороз и начал валить хлопьями снег, и валил, не переставая, Клара не чувствовала холода. Она была одета легко, потому что когда она подожгла здание и пожар только начинался, она с вырывающимся из груди сердцем поспешила покинуть школу. И даже переводя тяжелое дыхание, она не думала о том, что из-за собственной непредусмотрительности осталась почти без одежды. Тем временем погода становилась всё суровее, поднялся сильный ветер, хаотично разбрасывавший снег во все стороны. Клара посмотрела по сторонам: кругом снежная пустыня, нигде не было видно признаков жизни. Случайно выбрав направление, она двинулась в путь, тяжело переставляя голые ноги, постоянно проваливаясь по колена в ледяные сугробы. Ветер трепал её волосы, а на глаза выступили

слёзы. Через какое-то время она совершенно потеряла из виду остатки сгоревшего здания, а немного позже и сама бесследно скрылась за густой завесой снежной бури.

От автора

Никак нельзя оправдать данный поступок. Я хотела показать, к чему приводит среда, в которой рос человек, отношение к нему родителей и сверстников. Я хотела показать трагедию изгоя и то, как внешние факторы меняют и ломают доброго и мечтательного человека.

БЕЛЫЙ ХАЛАТ

*С благодарностью своей избавительнице,
лечащему врачу Евгении Сергеевне.*

Посвящено санаторию «Лермонтовский», Одесса

Сейчас, когда за окном глубокая ночь и меня не отпускает из своих цепких лап бессонница, я хочу рассказать о человеке, который недавно мне встретился на жизненном пути, и я верю, совершенно не случайно.

В этом году стояло знойное лето, воздух был влажный и липкий. От жары спасали толстые бетонные стены старого санатория. Я сидела, казалось бы, в бесконечной очереди, в конце мрачного коридора, пропахшего плесенью. Здесь было прохладно, воздух был пропитан сыростью и непонятным зловонием. По обе стороны от меня толпились люди преклонного возраста и источали злобу, они наперебой старались попасть в кабинет главврача. Туда надо было войти и мне. Пока до меня дошла очередь, я окончательно возненавидела санаторий, эгоистичных и озлобленных людей рядом со мной, и была готова дальше страдать от болей и панических атак, но только бы поскорее покинуть это место навсегда.

Когда я только вошла на территорию этой всемирно известной здравницы, то была ужасно подавлена. Здесь всё нагоняло тоску и немного пугало. Санаторий представлял собой весьма неухоженную территорию с двумя лечебными корпусами. Это были тяжёлые и старые, как мир, здания. Во всём, что меня окружало, не было жизни, это было едва ли не заброшенное место, и мне представлялось, что это больница-призрак. Остался лишь отпечаток давно минувшей эпохи, когда здесь всё было хорошо, санаторий процветал, принимал на высшем уровне гостей со всего мира и предоставлял первоклассный сервис. Но теперь мне было непонятно, как это место могло исцелять, если само уже давно мертво? И то,

что врачи обходились старым оборудованием, над их головами сыпался потолок, а стены были в паутине трещин, смотрелось крайне жалко. Это напоминало бессмысленные попытки смертельно больного, умирающего человека испуганно цепляться за жизнь, когда смерть уже неминуема. С одной стороны, это наполняет сердце глубоким состраданием и горечью, но с другой – это жалкое зрелище. Но, тем не менее, я пришла в это место с надеждой, что мне помогут. Когда подошла моя очередь, я вошла в кабинет главврача. И сразу же меня поразил контраст между её кабинетом и коридором. Главврач, пожилая и грузная женщина, не лишённая, однако, доброжелательности, сидела за массивным дубовым столом, на полу был расстелен новый красный ковёр, на стенах висели картины в позолоченных рамах, и меня пригласили присесть на объёмный мягкий диван. Для того чтобы попасть из нишеты в богатство мне понадобилось всего лишь переступить порог кабинета. Может, это было само сердце лечебницы, которое ещё билось? А может, это просто эгоизм одного человека, который думает только о том, как бы в самых худших условиях красиво подать себя? Эти мысли отвлекали меня от вопросов, которые мне задавала главврач, поэтому у меня не получалось сосредоточиться и должным образом отвечать. Более того, я была уже лишена всякого энтузиазма, мне надоело по многу раз повторять свои жалобы и злило непонимание врачей. Когда я закончила описание симптомов, главврач, ничего мне не сказав, набрала телефонный номер и попросила человека на другом конце провода срочно зайти к ней. Спустя пять минут в кабинет зашла молодая женщина в белом халате медика.

Нет, она не зашла, она впорхнула птицей и очутилась прямо передо мной, развеяв в мгновение всё моё безразличие. Пока главврач вводила её в курс дела и описывала мои симптомы, мой взгляд был прикован к одухотворённому лицу. В свою очередь она тоже меня рассматривала, приняв непринуждённую позу и широко улыбалась. Я никогда не встречала таких людей, как она, и позже я в этом только убедилась. В ней чувствовалась сила, но не грубая и разрушительная, а созидательная, та, которая вдохновляет жить. Позже я открыла и другие стороны её силы, которая была многогранна. Её улыбка была свидетельством искренности, а не показного приличия и вежливости. Передо мной стояла совсем молодая женщина, которую с первого впечатления можно принять за свою ровесницу. Когда она заговорила, её голос звучал громко и уверенно. Я почувствовала энергию, разливающуюся через края сосуда её души. Это была заразительная энергия, и она делилась ею с окружающими. Она отдавала частичку себя остальным, в ней было столько жизни, что она могла делиться, и она делилась ею с другими. Передо мной стоял

человек со стержнем внутри, человек, который хотел изменить целый мир в лучшую сторону, человек, который хотел идти против системы. И выбрала она для этого ту сферу деятельности, которая давно прогнила от человеческой скупости и цинизма – медицину. Нас представили друг другу, и тогда молодая врач пригласила меня пройти в её кабинет. Он был лишен всякого уюта, потолок, казалось, вот-вот упадёт на голову, белые стены изборозжены трещинами, стояли две старые кушетки, маленький письменный стол и стул, на который меня попросили присесть. Интерьер навевал тоску, и я снова впала в уныние от этой мрачной обстановки. Но когда она начала говорить со мной и задавать вопросы, я почувствовала, что она меня не просто слышит, она меня понимает. И тогда я будто вся потянулась к ней, как к избавителю.

Лето прошло в этом санатории. Благо, жила я недалеко от него, поэтому была лишена удовольствия проживания в старом неухоженном номере, и наслаждаться соседством древних старух мне также не пришлось. Я исправно приезжала каждый день на процедуры, которые мне назначила моя новая знакомая. Всё, что происходило со мной в стенах санатория, было для меня полным откровением. Если ещё недавно оздоровление организма ассоциировалось у меня исключительно с дорогостоящими таблетками, и чем их больше, тем лучше, а также с болезненными уколами, которые вызывают предобморочное состояние, то теперь лечение для меня обрело совершенно новую суть. В течение этого лета моё отношение ко всему, что здесь меня окружало, постепенно менялось.

Список назначенных мне процедур вызывал у меня ярый скепсис, ещё не испытав на себе ни одну из них, я заведомо была уверена в их бессмысленности, а значит в пустой трате своего времени и сил, которые были на исходе. Но альтернатив не было, и я приступила.

Ванная была наполнена жидкостью болотного цвета, и я долго собиралась с мыслями, преодолевая себя, уговаривая и убеждая себя, что это необходимо мне в лечебных целях. Творец наделил меня высшей степенью брезгливости, и первый раз ложась в ванну, я перешагивала через себя, жмурилась, затаив дыхание старалась не прикасаться к стенкам и дну ванны, но это было невозможно, мне надо было туда лечь, чтобы принять водную процедуру. Когда моё тело погрузилось в воду, я была напряжена и не могла ни на секунду расслабиться, мой взгляд был прикован к песочным часам, и как только последняя песчинка упала, я быстро вставала и начинала усердно вытирать себя полотенцем. После этого я шла в так называемый тренажёрный зал, который больше напоминал мне камеру со средневековыми орудиями пыток. А потом шла в другой кабинет, где садилась в кресло, а над моей головой устанавливали

оборудование, которое электризовало мне волосы и издавало раздражающе тонкий звук. Эти бутафорные процедуры производили на меня впечатление ненужных манипуляций, и только потерявшие с годами здравый рассудок, рассыпающиеся на ходу старики могли свято верить в пользу неведомого оборудования, давая волю самовнушению. И превелико было моё удивление, когда спустя всего лишь неделю я ощутила явное улучшение своего состояния. Боли, которые, казалось, уже никогда не отступят, которые были со мной неразрывным целым, которые вросли в меня и укоренились в моей плоти, вдруг исчезли. Оставались слабость, быстрая утомляемость и невозможность нормально засыпать. Каждая ночь была для меня сущим кошмаром и испытанием. Когда я засыпала, моё дыхание останавливалось, и я, задыхаясь, подсакивала в постели, жадно глотая воздух. При этом моё сердце норовило выскочить из грудной клетки, я вновь ложилась, через несколько минут успокаивалась, и как только начинала вновь падать в сон, всё повторялось сначала. Так могло продолжаться всю ночь, я засыпала, каким-то чудом, под утро и даже не помнила, как у меня это получилось. Было за счастье, что я смогла забыться во сне на пару часов.

Ложась в ванную, я поймала себя на мысли, что делаю это совершенно спокойно, у меня не вызывает это отвращения, и я даже могу позволить себе расслабиться, проводя десять минут в тёплой воде, приятно пахнущей лечебными травами. Я опрокидывала голову, и взгляд мой устремлялся в потолок, высоту в бесконечность. Потом я рассматривала ржавые трубы, по которым поступала вода, с них переводила взгляд на своих соседей, пожилых грузных женщин, которые спокойно принимали ванну рядом со мной. В тренажёрном зале я с нетерпением ждала очередь к своим тренажёрам, чтобы прилежно выполнять упражнения, и делала в два раза больше, чем мне было положено. Когда мои головные боли вдруг отступили, я с удовольствием сидела в кресле и слушала звуки аппарата, который электризовал мои волосы, он назывался Франклин. Теперь я приезжала в санаторий с большим энтузиазмом и расслаблялась во время процедур.

Лечение оказалось не бутафорным, всё было настоящее, довелось мне там повстречать и настоящих людей. И настоящую любовь, сошедшую с книжных строк, я тоже увидела здесь. Однажды, в перерыве между процедурами, я отдыхала на скамье, пила ароматный кофе и наслаждалась миротворяющей тишиной, царившей на территории санатория. В это время мимо меня проходили отец и дочь. Молодой мужчина, примерно сорока лет, вёл под руку свою дочь-подростка. Одной рукой девочка держалась за отца, во второй у неё была трость, на которую она

упиралась при ходьбе. Девочка не могла нормально передвигаться, она была частично парализована, её правая нога практически не выполняла свою функцию, беспомощно волочась. Девочка хромала, и каждый шаг был для неё грандиозной победой. Самостоятельно передвигаться она не могла, и было видно, что не сможет никогда. Они шли неспешно, и я провожала их взглядом. Отец был её ангелом, дочка ни на каплю не обременяла его, наоборот, в отце чувствовалась безграничная любовь к своему ребёнку, бесконечная сила, чтобы всегда помогать ей, а ещё океан терпения и добра. Я часто видела их в одном из лечебных корпусов. Девочка всегда улыбалась, она была абсолютно здравомыслящая, в ней было столько света, чистоты и тепла, скольких нет у десятых абсолютно здоровых людей. Когда я сидела в очереди к врачу, возле меня присели отец с дочкой, они спокойно полупшепотом разговаривали о своём. Я не слышала, о чем они говорили, но на мгновение задумалась, что будет с ней, когда отца не станет, ведь это неизбежно. Кому она будет нужна такая? Кто полюбит её и положит свою жизнь на алтарь заботы и поддержки? В целом мире у неё никого нет, кроме папы, который бесконечно ей предан.

Мне довелось увидеть и других тяжелобольных людей. Мимо меня по длинному и плохо освещённому коридору шла пожилая пара, на чьих лицах время оставило свой отпечаток. Муж передвигался с помощью ходуль. Рядом шла его жена и с огромным участием помогала ему преодолевать каждый шаг. Она, придерживая его под руку, просила его держать спину ровнее, ставить ноги правильно, и муж старался изо всех сил, хоть и давалось это ему очень тяжело. Они медленно шли по коридору, и я смотрела им вслед, не в силах сдержать слёзы. Это не были слёзы жалости, меня трогала огромная сила любви. И несмотря на болезнь одного из супругов, я понимала, что вижу идеал отношений, к которому нужно стремиться, но который недостижим для многих. Эту пару я также видела ещё несколько раз, жена приводила своего мужа на процедуры, терпеливо ждала его и вводила. Он с трудом ходил, и ему уже было не суждено оставить ходули. Но его верная спутница всегда была рядом, придерживала его на пороге или ступеньке, никогда не торопила и только лишь просила стараться ровно ставить ноги и не сутулиться.

Я заметила, что мир санатория отличается от того мира, который был за его пределами. Эта лечебница стала для меня обителью человечности и добра, где сила любви и человеческого духа борется со страшными болезнями. Тут я увидела тех, кто не просто родился человеком, а ещё и стал Человеком. Санаторий был умирающим островком добра, пытающимся достойно принять своё поражение перед внешним миром

и его законами. Как и в глобальных масштабах, добро всегда гонимо злом, а свет — мраком, так и этот гибнущий санаторий из последних сил держит оборону перед всепоглощающим злом, и он стал последним прибежищем ангелам-хранителям, где они помогают своим подопечным.

Когда я приезжала на свои процедуры и заходила на территорию здравницы, мне становилось спокойно, здесь время будто замедляло свой ход. Возможно потому, что никто никуда не спешил, не было толпы людей, снующей по улицам, не было городского шума, суеты, машин. И я заметила, что теперь мне хочется сюда возвращаться. Отчасти это было связано со всем вышеописанным, а отчасти с тем, что здесь меня ждала моя новая знакомая, которая была мне всегда рада, и я постепенно узнавала её ближе. Каждый день после всех процедур я приходила в её кабинет и буд-то попадала в гости к старому другу, который всегда был рад встрече.

Первые мои визиты к ней я держалась закрыто, ибо прописной истиной в моём сознании было высечено извечное — «человек человеку волк». Мы почти не разговаривали, но она всегда справлялась о моём самочувствии, которое, надо отдать должное, стремительно менялось в лучшую сторону. Она практиковала нетрадиционные методы лечения, и это вводило в ступор совершенно всех её пациентов, и я не стала исключением. Одно меня отличало от остальных — я не сопротивлялась, а полностью ей доверилась сразу же. В её методах лечения была заложена многовековая мудрость, ни одно поколение копило эти знания, чтобы спустя столетия они передались ей, и она возрождала забытые методики, вытесненные таблетками и вакцинами. И была также в её методах лечения другая мудрость: через боль и страдания человек приходит к совершенству, как физическому, так и духовному. Мне было больно от её манипуляций, но я терпела, стиснув зубы, для того чтобы потом ощутить облегчение, и оно не заставило себя долго ждать. И казалось, что боль я испытываю не от её рук, а от того, что мои недуги покидают тело, отрываясь от моей плоти. На удивление гематомы прошли бесследно в течение нескольких дней.

Когда я рассказывала ей о своих проблемах с засыпанием, то уже понимала, что могу довериться этому человеку. Она нашла подход к решению и этой проблемы, вонзая мне в ладони и пальцы десятки маленьких иголок. Помню, как я сидела с открытыми ладонями, в которых были иглы, и наблюдала за ней, пока она изучала истории болезни пациентов за письменным столом. И тогда я спросила её о своём недуге, ведь я привыкла всегда вдаваться в суть вещей, докапываться до истины, и мне хотелось знать причину моих постоянных головных болей и пронизывающих болей в шее. Помню, как она отложила все свои бумаги и открыто

заговорила со мной. И тогда мне стало ясно, почему она меня поняла, ведь она пережила то же, что и я, только муки её были в разы сильнее, а светила медицинской науки пророчили ей гибель. Но она победила смерть и сейчас сидела напротив меня и рассказывала свою историю, не смотря на то, что это не принято у врачей. Но, прежде всего, она была человеком, а потом врачом. Это было видно и по тому, как она общалась со всеми своими пациентами. Она могла найти общий язык с каждым и к каждому найти индивидуальный подход. Подхалимы и приспособленцы тоже славятся такими качествами, но это совершенно не про неё. В ней сочеталось несочетаемое: простодушие, искренность и открытость ко всем, и в то же время она знала, где это заканчивается и начинается в нужной мере жёсткость, сила духа и характера. Всё это она направляла во благо людям, она помогала даже тем, кто потерял веру в лучшее.

Спустя время я начала засыпать, как раньше, а заодно и больше ценить такое благо, как здоровье. Какое счастье засыпать, не задыхаясь, и просыпаться бодрой. Мой организм начал крепнуть, и ко мне вновь вернулась былая энергия. Когда человек здоров, ему кажется, что это само собой разумеющееся состояние, но стоит здоровью пошатнуться, как мы начинаем понимать, что нет в мире ничего важнее и дороже здоровья. И если вы чувствуете себя несчастливым, приходите на день в санаторий, где я провела лето, послушайте под окнами пробирающиеся до мозга костей стоны тяжелобольных людей, посмотрите на тех, кто не может ходить, как вы, и ваша хандра развеется.

Я люблю котов, они мне нравятся больше чем собаки. Коты мне кажутся умнее, они более избирательны, независимы, они не будут ластиться ко всем, и они не так привязываются к людям, как собаки. Мурлыканье котов меня умиротворяет, я люблю водить ладонью по их шерсти, трогать влажные носы и мягкие подушечки лап. Где бы кот ни был, он создаёт уют и гармонию. Эти волшебные животные нашли отклик в моей душе, возможно потому, что мне самой недостаёт тех качеств, которые есть у кошек. Кошки самодостаточны, они не ищут горсточку тепла у прохожих, не смотрят преданно в глаза тому, кто пригреет. На территории санатория всегда было много котов. Я в перерывах между процедурами сидела на скамье и наблюдала за ними, за тем, как пожилые люди их кормили, разговаривали с ними, будто те могли отвечать. Их никто не прогонял, здесь их будто чтили, и мне казалось, что это стражи санатория, проводники душ умерших в потусторонний мир.

Когда лето заканчивалось, я уже прошла свой курс лечения, однако по-прежнему продолжала навещать свою новую знакомую в белом халате. Я приходила к ней, она ставила мне иголки в ладони и мы

могли подолгу общаться. Она стала врачом моей души. Как мои ладони в иглах были открыты, так я открыла ей свою душу, только оттуда она аккуратно вынимала иглы, которые вонзили мне другие. Она всегда была в хорошем расположении духа, хотя я понимала, что этот человек пережил много душевных и физических страданий, но они её только закалили, и теперь можно было утверждать, что жизнь, пиная её, ломала себе ноги. Когда мы общались, сквозь её радушие иногда сквозил некий надлом. Бывало, её взгляд на мгновение устремится вдаль, и какой-то надрыв застынет в её зрачках. Все борцы с системой немного надломлены. Она была одной из «белых халатов», но для неё в приоритете было выздоровление человека, а не набитые карманы. Ведь когда человек болен, он готов платить любые деньги, и тут-то «белые халаты» расскажут такое, что и жить не захочется. И напуганный пациент заплатит всё, что есть, и ему назначат бессмысленное лечение поддельными препаратами, и он будет их принимать, а выздоровление так и не наступит. И он снова пойдёт к «белому халату» — и всё повторится сначала. Но она хотела раскрыть глаза людям, хотела помогать, а не создавать иллюзию помощи. Суждено ли ей было изменить систему? Думаю, что нет. Но она хотя бы пыталась.

Когда я приходила к ней совсем сломленная, она клала руки мне на голову, и через мгновение я чувствовала тепло, разливающееся по всему телу, я расслаблялась, и все проблемы отступали, мне становилось хорошо, легко и спокойно, головная боль растворялась. В такие моменты мне казалось, что она делилась со мной своей энергией, отдавала часть своей силы. Я не могу объяснить это иначе, ведь мне становилось лучше. Из её кабинета я всегда выходила окрылённая, я верила в себя, в то, что преодолю любые преграды и сложности на своём пути. В один из последних своих визитов к ней я заметила, что мы очень похожи, глядя на неё, я видела себя, только старше.

Под моими ногами шуршали опавшие желтые листья, осенняя прохлада пришла на смену летней жаре. Когда я зашла в один из лечебных корпусов, то сразу оказалась в бурлящей суете, чего раньше никогда здесь не наблюдала. Врачи буквально бегали по коридорам с папками и стопками бумаг, люди торопливо спускались и подымались по мраморной лестнице, помещение заполнил гул, состоящий из множества голов. Тогда я пошла во второй корпус, где и находился кабинет моего врача. Там обстановка была аналогичной, я видела, как люди взволнованно переговаривались, обсуждая происходящее. Я направилась в кабинет к своей избавительнице, там я застала её за письменным столом, перебирающей документацию. На полу стояли большие коробки, некоторые

из них уже частично были заполнены какими-то вещами, бумагами и прочей мелочью. Она встретила меня как всегда с улыбкой и поинтересовалась моими делами, как ни в чем не бывало. Непривычная обстановка, которую я застала в тот день, меня взволновала. И в ответ на её вопрос я лишь поинтересовалась, что здесь происходит. Она вмиг отложила своё занятие, её лицо поменялось, и с обречённостью в голосе она выдохнула: «Санаторий закрывают». Я не смогла подобрать слова ободрения, не считала нужным узнавать причину этого состоявшегося факта, мы просто молча сидели и слушали неутраченные шаги за дверью. Корабль шел ко дну.

За окном лил дождь, а я всё сидела в её кабинете и наблюдала, как она собирает свои вещи. Как ни готовься к смерти близкого человека, всё равно, когда этот момент наступает, мы испытываем потрясение. Так и здесь, все знали, что это наиболее вероятный исход, но мы испытывали сожаление и грусть, потому что было о чём сожалеть.

Спустя месяц местные власти закрыли некогда процветающую здравницу. У всего есть душа, даже у здания. И когда я пришла попрощаться с ним, то сквозь металлический решетчатый забор увидела пустынную территорию, раскинувшуюся под тяжёлым ноябрьским небом. На скамьях, где ещё недавно сидели люди, ветер гонял сухую листву. На фонтане, под брызгами которого всегда бегали дети, сидели вороны. Душа покинула это место, осталась лишь неприглядная оболочка. Я подумала о судьбах постояльцев санатория: где они сейчас? Что станет с этими людьми? Как ничтожны и бессильны были мои мысли о несправедливости содеянного перед свершившимся фактом.

Теперь я отчётливо понимала, что пришла в санаторий не напрасно — здесь я исцелилась, возродилась, как феникс из пепла. Я побывала в заповеднике человечности, настоящей любви и дружбы. Молодая женщина в белом медицинском халате, с которой меня свела судьба этим летом, заставила меня поверить в собственную силу, помогла пережить боль физическую и душевную, напомнила мне, что я не одна даже в самые тяжелые времена. Она увидела во мне те качества, которые я сама в себе могла едва ли разглядеть и которыми лишь мечтала обладать. И теперь я готова бороться до конца и идти напролом, ведь во мне есть все ресурсы для этого. Она относилась себя к «белым халатам», но она была другой, она — ангел в белом халате.

Ноябрь 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Почему мне интересна русская литература?

Размышления школьников стран СНГ

<i>Александра Васильева</i>	3
<i>Анна Войтик</i>	4
<i>Дарья Демиденко</i>	6
<i>Екатерина Жевняк</i>	7
<i>Анастасия Кишнякина</i>	8
<i>Николь Ленгардт</i>	9
<i>Илья Малиновский</i>	11
<i>Сергей Мисюрин</i>	12
<i>Кристина Муравьева</i>	14
<i>Айдана Осконбаева</i>	16
<i>Илья Пильский</i>	17
<i>Вероника Самойлова</i>	18
<i>Виталий Спасских</i>	20
<i>Лада Стремлина</i>	21
<i>Дмитрий Тельпиз</i>	23

В мастерской художественного перевода

<i>Из итальянской поэзии. Перевод Татьяны Берфорд</i>	24
<i>Йован Дучич Тени на воде. Перевод с сербского Олега Комкова</i>	46
<i>Английские эпиграммы и эпитафии. Перевод Евгения Фельдмана</i>	58
<i>А.А. Рябова, Д.Н. Жаткин</i> Формирование и трансформация концепции творчества Кристофера Марло в литературоведческих исследованиях А.Т. Парфенова	78

«A Sonnet is a moment's monument...»

Сонет Данте Габриэля Россетти глазами молодых переводчиков

<i>Александра Васильева</i>	90
<i>Анна Войтик</i>	90
<i>Дарья Демиденко</i>	91
<i>Екатерина Жевняк</i>	91
<i>Анастасия Кишнякина</i>	92

<i>Николь Ленгардт</i>	92
<i>Илья Малиновский</i>	93
<i>Сергей Мистурин</i>	93
<i>Кристина Муравьева</i>	93
<i>Айдана Осконбаева</i>	94
<i>Илья Пильский</i>	94
<i>Гюнай Раджаби</i>	95
<i>Вероника Самойлова</i>	95
<i>Лада Стремлина</i>	96
<i>Дмитрий Тельпиз</i>	96
<i>В.В. Мушкова Школьники переводят Дугласа Мейлока</i>	98
<i>Анастасия Крушинская. Рассказы</i>	110
Ежиная нора	110
Белый халат	123

Литературно-художественное издание

РУССКОЕ СЛОВО

Литературно-художественный сборник

Ответственный редактор *Д.Н. Жаткин*
Компьютерная верстка *Г.А. Кулаковой*

Подписано в печать 10.12.2017. Формат 64×84/16. Бумага тип. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура NewtonС. Усл.-печ. л. 8,38.

Уч.-изд. л. 7,79. Тираж 500 экз.

Изд. № 2767. Заказ ____.

Издательство Пензенского государственного технологического университета:
440039, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а / 11

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЧП Соколов А.Ю.:
440037, г. Пенза, ул. Кирова, д. 49.